

10.555
1960

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

12

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЦА

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Новые стихи	3
ГЕОРГИЙ ШАТБЕРАШВИЛИ. Солнце мертвых. Повесть. (Окончание).	5
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Отец. Поэма.	31
ВАДИМ МИХАЙЛОВ. Ушба. Рассказ.	39
ДЖАНСУГ НИКАБАДЗЕ. Вдохновение. Стихи.	47
ИЛЬЯ РУРУА. Короткие рассказы.	49
ПЕТЕР КАРВАШ. Похищение или Будапешт — большой город. Рассказ.	51

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Н. ВНУК. Секрет «НС-Е».	56
---------------------------------	----

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Г. ДЖОМАРДЖИДЗЕ. Год спустя.	63
М. ЗЛАТКИН. О практике переводов.	66 ✓

СПОРТ

Б. ПАЙЧАДЗЕ. Годы и матчи.	69
------------------------------------	----

96759

12

ДЕКАБРЬ

1960

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН (ответственный секретарь),
М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

Отар Челидзе

Новые стихи

Перевод с грузинского И. Снеговой

В ЛЕСУ

Не тревожа леса тишину,
Испокон стоящую вокруг,
Волны катят камушки по дну,
Разнося жемчужин перестук.

На заре, когда встающий день
Пуговки росинки застегнет,
Большеглазый, медленный олень
Появляется у этих вод.

Наклонившись низко над ручьем,
Видит он прекрасные рога
И о чем-то думает... О чем?
О коварстве друга иль врага?

Или взглядом, затаившим зной,
В глубину прозрачных вод скользя,
Видит он красавицы лесной
Темные, желанные глаза?..

Но, припав к поверхности реки,
Видит он лишь рябь в волнах пустых
Да в воде дрожащие круги
От упавших крупных слез своих.

Неподвижно он стоит, олень,
Потрясенный горькой правдой дня,
А потом бежит в лесную тень,
Трубным гласом прочь тоску гоня.

СЛУЧАЙ НА УЛИЦЕ

Когда свое окно я распахнул,
Уже померк на улице закат,
Вечерний ветер с темных гор пахнул,
И город весь был сумраком объят.

Вдруг я услышал — прямо под окном,
Хрипя, заскрежетали тормоза,
Я выглянул — стоял народ кольцом,
И человек лежал, закрыв глаза.

Лежал на обгаренной мостовой,
Кому-то слал последний свой привет,
Кого-то в этот час недобрый свой
Пытался разглядеть сквозь поздний свет.

Вот голову он поднял, задрожал...
Но нет, он не о помощи просил...
Другого человека молча ждал,
Звал человек тот из последних сил.

Через минуту увезли его,
Чтоб попытаться как-нибудь спасти,
И улица у дома моего
Вместила разом все его пути.

Но мысль о нем из головы не шла,
Лицо его стояло предо мной.
Кто он — учитель, кончивший дела,
С уроков возвращавшийся домой?

Иль шедший с операции хирург,
Чужую жизнь привыкший выручать?
А может, просто друга старый друг
Шел на вокзал, как в юности, встречать?

Шли месяцы, а я не забывал
Печального лица и добрых глаз...
Кого тогда беззвучно призывал
Тот человек в свой самый черный час?

Шли месяцы, и птичий гомон стих,
Ноябрь заводит песенки свои,
И вместо листьев на ветвях пустых,
Как мячики, надулись воробьи.

Вчера под вечер я окно открыл,
Открыл окно, и в миг узнал его:
Тихонько перекресток проходил
Он, ставший частью сердца моего.

Раздавленный машиной тот старик,
Кого я в мыслях схоронил давно!
И чтобы скрыть счастливый сердца крик,
Я осторожно затворил окно.

А он прошел вперед путем своим,
Еще не старый, снова полный сил.
Казалось мне, воскресли вместе с ним
Все те, кого я в жизни схоронил.

Кто он такой, свой отстоявший век?
Куда он шел в вечерней тишине,
Безмерно мной любимый человек,
Не знавший, как он мил и дорог мне?

Солнце мертвых

ПОВЕСТЬ

Окончание

Перевод с грузинского Г. Миндадзе

Рис. З. Церетели

Она опустилась на землю. Натянула подол на свои, цвета спелой пшеницы, голые ноги. Укутав их краем широкой юбки, легла навзничь и руки положила под голову.

Тенго сидел рядом, скованный, отяжелевший. Земля, обильно впитавшая солнце, была сухой и теплой. Стоял приятный запах разогретых на солнце трав... Нино закрыла глаза руками...

— Я всегда делаю и говорю то, что думаю, — тихо произнес Тенго и взял девушку за руку. — Посмотри на меня, если хочешь, чтобы я сказал тебе правду!

— Ничего... ничего со мной не случилось, — прошептал Тенго. — Бежал я и думал: куда же я бегу? Нино осталась там, внизу, а я бегу куда-то... Знаешь, сегодня происходит что-то особенное, такого не будет никогда... Не будет, не повторится! И все это ты, Нино! Ты... ты... Бежал я, и все пело во мне: Нино... Нино... Нино... Нино сегодня заступилась за меня, себя не пожалела, свою судьбу бросила на весы... А я? Только, чтобы показать себя, только чтоб покрасоваться, взял да забрался на орех, а сейчас поднимаюсь по этому склону... Глупый я, ненормальный! Ни-

но внизу, в винограднике, а я, как дурак, бегу к вершине Дзлевис Кеди! И так захотелось мне тебя видеть, так соскучился по тебе, словно... век не видел! И тут сел я и стал повторять: поднимется... она сейчас ко мне поднимется! Поднимется!.. Придет Нино и сядет рядом со мной и погладит мои волосы...

Я смотрел вниз, в твою сторону, туда, где тебя оставил... Увидел, как ты стала подниматься, как пробежала кустарник. Потом я зажмурил глаза и вдруг вспомнил...

* * *

Дверь отворилась. Тенго даже не заметил, кто именно вышел из комнаты.

Дверь осталась приоткрытой. Пока была закрытой эта обтянутая кожей тяжелая дверь, из комнаты доносился только глухой шум, сейчас

же отчетливо было слышно каждое слово.

Чей-то монотонный голос доказывал, что вопрос ясен... Разобран... Исчерпан... Что необходимо принять решение...

Тенго не присутствовал там, он сидел здесь, в передней, а за дверью решалась его судьба. Это его дело стало «ясным», его вопрос «исчерпан». Он не понимал одного: почему медлят с «принятием решения», что мешает этому...

Вдруг он услышал голос Нино:

— Если бы здесь был Сталин, поднял бы он руку за исключение комсомольца Тенго Кобаидзе?

Тенго невольно взглянул перед собой. В приемной висел портрет Сталина... Наверно, и в той просторной комнате тоже висел портрет Сталина, там, где решалась его судьба. Он был уверен, что и Нино сейчас смотрит на портрет.

«Исключат»...—подумал он, и кулаки его сжались. Он встал. Заскрипел стул. Он вздрогнул и снова сел.

Видимо, вопрос был неожиданным, потому что некоторое время было тихо. Потом тот, кто требовал «принять решение», строго сказал:

— Товарищ, такая постановка вопроса, если не говорить о большем, по крайней мере неудобна... Почему здесь должен был быть Сталин?.. Для выяснения вопроса о сыне какого-то подкулачника нашлось бы у Сталина время?!

— Послушайте... На одну минутку представьте, что он был бы здесь... Исключил бы он, или нет?..—спросил прерывающийся голос девушки.

— Исключил бы! — ответил тот же голос убежденно.

— Нет, не исключил бы... Не исключил бы! Нет! Нет! — воскликнула Нино отчаянно.— А если бы исключил, ошибся бы!

У Тенго запылала щека. Какая-то сила опять согнала его со стула. Дрожащими руками облокотился он на стол и снова посмотрел на

портрет Сталина. Сердце его учащенно билось, он невольно повторял слова Нино: «Ошибся бы, ошибся бы... если бы исключил».

— Я знаю Тенго Кобаидзе и считаю ошибочным исключение его из комсомола только за то, что отец его подкулачник.

— Ты давно знаешь Тенго Кобаидзе?—спросил кто-то другой.

— С детства! Мы вместе выросли... В одной деревне... И не могу голосовать за его исключение! Я секретарь шубатской ячейки, и вы должны мне доверять.

Давно уже Тенго не знал, что такое слезы... И это были не те, детские слезы. Что-то неодолимое дрогнуло в нем и подступило к глазам. Он вытирал их кулаками.

В комнате замолчали.

Нино... Нино... Нино! Он встал и вышел из комнаты ожидания.

Он не знал, исключат его или нет, но все равно он был счастлив.

* * *

Тенго говорил, часто останавливаясь, словно только что, а не час назад пробежал он этот, покрытый кустарником, склон.

Нино улыбнулась.

— Ладно, хватит... Я помню... Иди сюда, отдохни.

Она ласково дотронулась до его волос, рассыпанных густой копной. Тенго лег на спину, положил голову на ее колени. Теперь он видел ее снизу, и лицо Нино в вечерней мгле казалось ему бледным и грустным...

— Хочу совершить что-нибудь такое, чтобы прославиться, чтобы ты полюбила меня,— мечтательно произнес Тенго, глядя в небо широко открытыми глазами.

— Глупый, ты мне и так нравишься... — шепотом сказала Нино и вдруг нагнулась и быстро поцеловала его в губы.

Тенго зажмурил глаза...

Откуда-то доносилось благоухание дикой киндзы и каких-то других неизвестных трав. Удивительно теплой была земля. Блаженством было

лежать здесь, на этой высоте, вдыхать пряный воздух и чувствовать, что Нино рядом.

— Я люблю запах этих цветов,— Тенго поднес к лицу Нино тонкие лепестки.

— Разве это цветы?— засмеялась она.— Обыкновенная трава!

— Цветы! Смотри, как они пахнут!

На востоке загорелась первая звезда. Постепенно рождались и другие звезды, и небо наполнялось золотыми искрами. Внизу, в деревне, уже давно была ночь. Свет горел в окнах и у дороги. Незаметно подкралась приятная свежесть ночного воздуха.

Взглянув вниз, на деревню, Тенго вдруг помрачнел.

— Наверно, отец обидится, — сказал он задумчиво.— Сегодня я вместе с ним должен был мотыжить кукурузу... Я даже не предупредил его, так ушел утром!..

— Сказал бы, что тебя вызывают по делу.

— Для моего отца все равно — вызывают тебя в райком или еще куда-нибудь...

Тенго опять положил голову на колени Нино.

— Говорят, Георгий суров... — помолчав, вдруг сказала Нино.

— Наверно, говорят, что и сына не любит?.. Скажут, что я тоже не люблю своего отца! — взволнованно воскликнул Тенго.

— Я не в обиду сказала... — прошептала Нино.

Тенго замолчал. Напоминание об отце вторглось в этот счастливый для него вечер, и он вдруг почувствовал прохладу остывающей земли, вплотную к ним подошедшую тьму.

— Разве так может быть? Разве может отец не любить сына или сын не любить отца? Иногда и я думаю об этом, но...

— Я не говорила так...

Тенго ее не слушал.

— Знаешь, отец меня ни разу не поцеловал... По крайней мере, я не

помню. Может быть, в детстве. Иногда я жажду, поверишь ли, жажду, чтобы он подошел и обнял меня...

Нино придвинулась к нему, коснулась волос, нежно притянула к себе. Он положил голову на ее руку. Они лежали рядом, близко друг к другу, и смотрели на звездное небо.

— Однажды... В то лето мне исполнилось пятнадцать... — начал рассказывать Тенго.— Подошел он ко мне и схватил за шею, совсем так, как берут обычно молодых бычков. Потряс как следует и говорит: окреп ты, мужаешь. И это он мне сказал так ласково, что я чуть было не бросился его обнимать. Потом вцепился мне в плечо и давай бороться... Ты же знаешь, отец мой здоровый мужчина, а в молодости был на деревне первым борцом!

Так вот, схватил он меня, но я старался устоять... «Держись», — засмеялся он и обхватил меня. Но я выскользнул из его рук, и он чуть не свалился... Удержался, засмеялся и снова подступил ко мне.

Но я все выскользывал. Я чувствовал, что могу повалить его, но не решался. Я думал, пусть лучше он меня свалит, и совершенно расслабил тело. Но он не отпускал меня. Как ребенка, он поднял меня на руки и, знаешь, что я вдруг понял? Что это он ласкает меня, тихонько, скрытно...

Тенго умолк и вдруг, повернувшись к девушке, приник холодными, дрожащими губами к ней. Нино ласково отстранила его пылающее лицо.

— Мой умный, мой хороший, успокой свое сердце, пойдем.

— Нет,— воскликнул Тенго и еще крепче обнял ее.— Пусть всегда будет так... Всегда, всегда так...

— Нельзя, хороший мой, нет, — шептала Нино. Наконец она вырвалась, встала и отряхнула платье.

— Надо идти... Уже ночь... Идем, Тенго!

Он еще долго сидел, уронив голо-

ву на руки. Внизу, под ними, спала деревня. Не слышно было даже лая собак, и ни в одном окне уже не горел свет.

* * *

Наутро Тенго стоял в кукурузе и мотыжил. В эту ночь он почти не спал. Вернувшись вчера так поздно с Дзлевис Кеди, он встал, едва рассвело, и, тихо открыв дверь, принялся работать.

Иногда он останавливался и смотрел назад. Промотыженное отцом поле выглядело красиво. Весело шелестела кукуруза.

Кукуруза доходила до пояса—так они опоздали с прополкой; у корней и вокруг разрослись сорняки. Тенго часто нагибался, чтобы рукой вырвать укрепившийся на корне сорняк. Несколько раз он вместе с сорняком вытаскивал и стебли молодой кукурузы. Пожалел и, замахнувшись, хотел было кинуть их подальше к забору, чтобы не увидел отец, но, устыдившись этой мысли, бросил тут же и продолжал прополку... Иногда мысли уносили его так далеко, что он переставал замечать скользкую по траве мотыгу.

Вдруг он почувствовал, что за ним наблюдают. Он оглянулся и вздрогнул. Около него стоял Георгий. Стоял за его спиной и угрюмо, насмешливо улыбался.

Здоровый еще мужчина был Георгий. Вспыльчивый и несдержанный. Огромные глаза его легко наливались гневом, как у рассерженного племенного быка. Лицо становилось багровым, широкая нижняя челюсть кривилась в сторону.

— Землей присыпаешь, землей?! — воскликнул Георгий и сел перед сыном на корточки, разгреб землю у основания промотыженной кукурузы. Обнажилась оставшаяся тонкая трава.

— Этому тебя там учат? А? Землей присыпать, чтобы не работать?! — сгреб в горсть траву вместе с землей и, не глядя, отбросил назад. Жирная пыль облепила пот-

ное лицо Тенго, запорошила глаза.

Пока Тенго протирал забитые землей глаза, Георгий заметил брошенные Тенго молодые кукурузные побеги...

Зарычал Георгий и, как одичавший бык, уставился на побледневшего сына. Потом собрал разбросанные стебли и, держа их в правой руке, вскочил на ноги.

— Ты что, вражье поле мотыжишь? Вражье, а?.. — закричал он, размахивая стеблями перед самым носом сына, как кнутом.

— Оставь меня, отец!.. — застонал Тенго и сделал шаг назад.

— Кто твой учитель, кто? Наверно, та, что по кустам бегаёт за тобой?

— Отец, замолчи... — загремел Тенго.

Послышался свист разрезаемого стеблями воздуха, потом хлесткий звук удара.

Тенго отпрянул назад и, замахнувшись, поднял вверх мотыгу.

* * *

— Ладно, будет, не напоминай мне этого больше!.. Но как же он осмелился поднять эту мотыгу, наточенную, как кинжал! И на кого! На родного отца! — молвил Авгеоргий.

Георгий покачал головой.

— А ты? — укоризненно спросил он. — А ты? Ты ведь не был ему отцом! Ты насыпал ему землю прямо в глаза! Почему ты это сделал?.. Ладно, допустим, землю ты насыпал нечаянно, ты не видел, ты не хотел...

— Да, да, не хотел... — простонал Авгеоргий.

— А почему ты хлестнул его кукурузными стеблями? Почему не пожалел?

— Его вины ты уже не помнишь?

— Сейчас мы не взвешиваем его вину, твои, твои грехи кладем на весы, тебя судим!

— Кто же оправдывается! Мой мальчик давно уже спит на Дзлевис

Кеди. А то, что случилось, никто не видел, никто не помнит!

— И тебя тоже...

— И меня никто не помнит, и мои трехи...

— Но мы-то с тобой помним все!

— Ах, если б на этом тогда все кончилось! Если б вся история кончилась этой мотыгой и этим ударом...

— Увы, все несчастье впереди.

— Впереди? Ведь уже все прошло, — сказал Авгеоргий. — Все кончилось.

— Не кончилось, — упрямо ответил Георгий и подошел к краю склона. Воспаленными глазами смотрел он на пышущее зноем пространство. — Не кончилось. Оно — впереди. Горе в том, что однажды случившееся не проходит бесследно, оно остается, оно повторяется каждый день сначала...

* * *

...Да, Тенго отпрянул назад и, замахнувшись, поднял вверх мотыгу. Слезы стояли в его глазах, щека торела.

Георгий одним глазом, одним налитым кровью глазом сбоку посмотрел на поднятую вверх мотыгу и оцепенел. Невольно разжалась сжатая в кулак рука. Один за другим падали на землю из потной ладони кукурузные стебли.

* * *

Окончив среднюю школу, Тенго остался работать преподавателем физкультуры в своей же школе. Совместная жизнь с отцом казалась ему невыносимой, он старался как можно реже бывать дома. Школа стала единственным пристанищем, где он чувствовал себя легко и свободно.

Рядом с Нино, которая в той же школе учила ребят пению, окруженный детьми и увлеченный своим делом, Тенго забывал все невзгоды. После уроков он проводил занятия в спортивных кружках и лишь поздно вечером возвращался домой.

— Все пошло прахом, — говорил Георгий жене, — парень бежит из дому!..

— Был бы только здоров, — отвечала Хахато.

— Жизнь прожить нелегко, чего же может достичь он? Учительского жалованья едва хватит на папиросы!.. О богатстве не помышлял я никогда, но все же отцовские закрома наполнил хлебом, заработанным вот этими руками.

— Не поверю я, что на кусок хлеба не заработает парень! — успокаивала мужа Хахато. — Дай только встать на ноги, распрямить спину — он своего добьется!

— Посмотрим...

* * *

Против Георгия восседал Шавдатуа. На нем был короткий серый архалук. На голове черная папаха. Из-под надвинутой на самые брови папахи выглядывали жесткие волосы, щетиной спадавшие на небольшие черные глазки. Эти маленькие, как фасоль, глаза зорко смотрели во все стороны. От них ничто не укрывалось.

Когда Георгий говорил что-нибудь, Шавдатуа смеялся, трясся всем телом. Потом смех переходил в кашель, и Шавдатуа долго пыхтел и плевался. В жирной руке держал он огромный носовой платок, и гудел, пытаясь сдержать кашель:

— Хо, хо, хо! Дай бог тебе здоровья, Георгий, как рассмешил... Хо, хо, хо!

Ему глухо вторили старые церковные стены, возвращая уже совсем другое, грустное:

— Ох, ох, о-о-ох...

На площадке перед церковью носились деревенские мальчишки. Здесь Тенго обычно проводил занятия физкультурного кружка.

Георгий наблюдал за сыном. И Тенго тоже временами бросал на них пристальные взгляды. Не любил он отцовского дружка, избегал его...

После того случая на кукурузном поле прошло мало времени, но оба, и отец и сын, сожалели о том, что было. Так всегда после злых слов, после нанесенной обиды следует что-то, похожее на примирение... Проходит первая боль и наступает раскаяние. Наболевшее сердце тихонько взвешивает свою и чужую вину, прощая чужую, жаждет искупления... И возникает невысказанное вслух признание, потом постепенно и несмело произносятся первые слова.

Так бывает с близкими и верными друг другу людьми. Они не могут быть похожими на тех, у которых первая же размолвка рождает неприязнь и вражду.

Все это время Георгий помнил о несчастной своей матери Даро и корил себя. Он клялся, что по-другому будет обращаться с Тенго. Сердца их уже помирились, чувствуя взаимную, молчаливую ласку. Иногда они даже заговаривали друг с другом. Их далеко ушедшая любовь как будто возвращалась. Но все же все было иным. Как будто бы у нее, у этой любви, было отломлено, опущено одно крыло.

У Тенго при виде отцовской, со вздутыми венами, руки начинала гореть щека, и глаза застилало воспоминание о брошенной земле. А Георгий, случайно заметив мотыгу, тотчас представлял своего сына, яростно ею замахнувшегося.

Шавдатуа встал и, что-то с улыбкой показывая Георгию, направился к площади. Георгий пошел вслед за ним.

Одну часть площадки мальчики раскопали и, хорошенько разрыхлив, расчертили. Здесь тренировались по прыжкам в длину.

Тенго расхаживал с длинной тонкой палкой в руке. Время от времени он измерял ею результаты прыжка и что-то записывал в книжицу.

Лучше всех прыгал парнишка с длинными, как у кузнечика, ногами. Приятно было смотреть на него, ко-

гда он, разбежавшись, с громким криком перелетал через прочерченную линию.

— Молодец, Котэ,— говорил Тенго и хлопал его по плечу.— Хороший результат! Теперь отдохни, довольно.

— Эх, ну и времячко наступило,— воскликнул Шавдатуа и посмотрел по сторонам.— Ну и время наступило,— повторил он,— прыжки — и те измеряют сантиметрами!

— Так чем же, по-вашему, мы должны измерять длину?— засмеялся Тенго.

— В старину...— заколебавшись, начал Шавдатуа и опять оглянулся, словно призывая всех послушать. Потом обратился к стоявшему там же Георгию:— Ты ведь тоже знаешь, Георгий, да и я слышал, что в старину один прыжок равнялся длине трех разостланных бурок.

Потом обернулся к мальчикам:

— Запомните, мужество нельзя измерить сантиметрами. Посмотрим, кто из вас превзойдет тех, прежних!

Мальчики засмеялись. Кто-то воскликнул, что это все неправда, что через три бурки никто перепрыгнуть не сможет.

В конце концов решили, что Шавдатуа все выдумал и теперь надсмехается. И снова стали тренироваться.

— Ну, теперь им есть над чем подумать,— захихикал Шавдатуа.

Но Георгий не слушал его, он продолжал наблюдать за сыном. Увидев, что Тенго взял в руки небольшие железные гантели и стал что-то объяснять, Георгий крикнул:

— Иди-ка сюда!..

Шавдатуа насторожился, глядя то на Георгия, то на Тенго. Тенго бросил гантели и уныло пошел к отцу. Гантели ударились друг о дружку и коротко звякнули.

— Что это?— спросил Георгий не глядя.

— Ничего, отец... — тихо ответил Тенго.

— Но разве ничто можно поднять или бросить?

Шавдатуа открыл рот, чтобы захохотать, но до его уха донеслось незнакомое слово...

— Гантели? Это что еще за чертовщина? Покажи, на что убиваешь время!

— Это для упражнений...— чуть слышно сказал Тенго.

— Ступай, принеси.

Тенго молча принес гантели и, бросив их перед отцом, стал в сторону... Его обступили мальчишки.

— Ну и к чему тебе эти чертов мячи?

— Ты же знаешь... Мы готовимся к соревнованиям.

— Только что вам сказал этот уважаемый человек, и я спрашиваю, — усмехнулся Георгий и толкнул гантели ногой.— Жалкими игрушками хотите заработать славу?

— Хо-хо-хо!.. — загрохотал Шавдатуа.

Упавшие на лоб волосы скрывали от Георгия глаза сына, но по покрасневшему вдруг лицу и по тому, как глубоко и часто дышал Тенго, он понимал, что тот взволнован.

Он понимал, что неспроста покраснел Тенго, но уже не мог остановиться и, подогреваемый хохотом Шавдатуа, нагнулся, поднял гантели.

— Невелика заслуга подбрасывать эти орешки! Вон тот синий камень поднимите, если сила есть!

Шавдатуа захохотал еще громче. Георгий отшвырнул гантели. Железо ударилось о камень, раздался долгий, протяжный звук. Будто камень ответил своим голосом, странным и гулким...

То ли слова отца, то ли звон железа заставили Тенго обернуться и посмотреть на камень.

Потом Тенго снова скрестил свой взор с отцовским.

Отец стоял на возвышении и так смотрел на сына, как смотрит орел на своего птенца, который вознамерился, сопротивляясь, ударить его слабыми когтями.

Снизу смотрели на Георгия светящиеся упрямым блеском глаза сына, от волнения изменившееся

лицо. На щеках выступили краевые пятна, и Георгию показалось, что это отсвет красной спортивной майки, которая обтягивала широкую грудь Тенго.

Поодаль стояли сочувственно молчавшие мальчишки.

— Где уж им!.. Одна мелкота... Подстать этим граммам и сантиметрам!

Тенго отвел глаза и тут же столкнулся с Шавдатуа, который стоял, не двигаясь, и язвительно улыбался. Один его ус дрожал, было заметно, что он сдерживает подступивший к горлу смех.

Не в силах больше сдерживаться, Шавдатуа открыл огромный рот, обнажая желтые зубы, и загрохотал... Притулившаяся неподалеку церковь повторила глухо и недовольно:

— Ох, ох, ох!

И вдруг Тенго стало жутко. Он невольно обернулся. Вечернее солнце желтоватым безжизненным огнем освещало стены старого храма. Казалось, насмешливый хохот исходил изнутри, оттуда.

Выждав, когда Шавдатуа немного отдышится, Георгий спросил:

— Тебе приходилось видеть поднявшего этот камень?

— Мне не приходилось, но я слышал от стариков...

— И я к тому же говорю... Мы все смолodu еще знали о ностельском каменщике!

— Да. Богатырской силы был человек! Вот эту глыбу перекинул через оседланного коня...

— Молодцом был и молодецкий совершил подвиг! — Георгий подошел к синему камню.

— Уже не родятся такие! — сокрушенно вздохнул Шавдатуа. — Знаете про Хизамбарели? Что молчите? Языки проглотили, что ли? Знаете, спрашиваю?

Парнишки молчали. Тенго стоял, задумавшись, словно не слышал слов отца.

— Если не знаете, приходите, мы расскажем вам, кем мы были когда-то... Не то что вы, нынешние!

Тенго смотрел на гантели. Они валились около глыбы, и рядом с ней эти железные шарики казались мелкими, как гороховые зерна.

* * *

Историю Хизамбарели Тенго знал давно, с детских еще лет. Долгими зимними вечерами, перед пылающим камином, когда, пересказав все сказки, переходили к старым историям, вспоминали и про Хизамбарели. Обычно, после этого старики вспоминали о трех братьях, которые из глубокого ущелья втащили на высокую гору огромный камень. Втащили и высекли на нем озорную надпись, чтобы подразнить княжеских и дворянских сынков.

Эту махину втащили мы, трое братьев, возвращенные на конском щавеле. А ну-ка, явитесь вы и сдвиньте, семеро братьев, вкушающих каду!¹

Старики уверяли, что этот камень с надписью и теперь лежит на одном из хребтов между ущельями рек Бердуджи и Машавера.

Как видно, семеро братьев, вкушающих сладкую каду, так и не смогли сдвинуть его с места. И остался он памятником народного молодчества.

Вращенные на конском щавеле крестьянские парни, как и ностельский каменщик, казались Тенго сказочными героями. Для него Хизамбарели был таким же, как и борющийся с дэвами Аспурцела,² или какой-нибудь другой солнцеликий герой. Трудно было детскому воображению провести границу между сказочным и давно прошедшим, но все же действительно существовавшим.

Когда он подросток, не раз задумывался над безымянными тремя братьями и ностельским чемпионом, не раз сидел на брошенном

за оградой шубатской церкви синем камне, не раз шутя даже пытался поднять его, считая предания об этих подвигах народной мечтой о силе и могуществе человека.

Теперь же, после того вечера, когда Шавдатуа и Георгий подняли на смех и парнишек, и то, чему учил их он, Тенго, — после того вечера камень Хизамбарели не давал ему покоя. Все чаще вспоминались слова отца: «Вот тот синий камень поднимите, если сила есть!» И все сильнее овладевало им желание сразиться с Хизамбарели.

Иногда он так увлекался этой мыслью, что даже представлял себе ностельского каменщика. Могучие плечи были у каменщика, широкие кости руки, глаза величиной с сито, что для пшеничной муки тонкого помола, длинные, опущенные вниз каштановые усы. Он стоял, добродушно улыбаясь, приглашая Тенго на состязание.

И в самом деле, Хизамбарели не был мертв. Тот, кто живет в памяти народной, тот не может считаться мертвым.

Тенго зажмурился глазами и улыбнулся своему противнику. Нравился ему этот нарисованный его воображением непревзойденный молодец. Он любил его, но должен был с ним сразиться, сразиться и победить, одолеть исполина, одолеть и тех, кто скрывался за его широкими плечами и прославленным именем.

Тенго хорошо знал шубатский народ...

«Если я даже подниму в сто раз более тяжелый снаряд, заставлю заговорить все газеты Грузии, наши упрямы не посчитают это достижением, может быть, даже и не поверят! Засмеются и скажут: если он парень, пусть явится и поднимет камень Хизамбарели... Они верят лишь тому, что видят глазами и что можно потрогать рукой... Новое здание нашей школы вроде им даже нравится, тут уж они верят, но опять-таки не без того, чтобы оглянуться назад: а ну,

¹ Када — сладкий пирог.

² Аспурцела — сказочный персонаж.

если вы молодцы, постройте такое, — и указывают пальцем на Кватахевские или Самтависские храмы».

* * *

Тенго сидел в комнате и читал книгу.

Хахато убрала в доме, вынесла на балкон постель, чтобы просушить на солнышке. Сняла со стены большой ковер и перекинула через перила. Открыла стенной шкаф, извлекла оттуда старую бурку. Увидев отцовскую бурку, Тенго снова вспомнил обидные слова Шавдатуа. Вдруг его осенило: «Почему я раньше не вспомнил, что у отца есть бурка!» — подумал он, отыскал палку с насечками и вышел.

— Зачем понадобилась тебе эта бурка?.. — закричала Хахато, увидев, что Тенго схватил бурку и тащит ее с лестницы.

Тенго не ответил, расстелил бурку на траве и стал измерять ее. Потом сел на бурку, задумался.

«Что ему надобно, этому шакалу Шавдатуа, ведь почти через три бурки перепрыгнул наш Котэ... Нехватает пяти-шести сантиметров...»

Он еще раз измерил бурку и снова получил тот же результат. «Погорел ты, Шавдатуа, погорел», — чуть не закричал он вслух и, захватив бурку, побежал к калитке.

— Ты куда потащил это старье?! Хоть бы пыль выбил! — закричала Хахато, но Тенго не остановился.

Через полчаса по всей деревне распевали на разные голоса:

Рашавдаа, рашавдаа,
Шавдатуа гашавдаа!¹

Накинув бурку на плечи, впереди всех шествовал к сенокосным лугам голенастый парнишка, за ним еле поспевали другие мальчишки и Тенго.

¹ Непереводимая игра слов. Эта озорная песенка означает, что Шавдатуа «погорел», опростоволосился.

Шавдатуа, увидев идущего в бурке человека, перестал косить, обтер пот и, заслонившись рукой от солнца, стал ждать. Узнав голенастого, удивленно воскликнул:

— Ты что же, как Арсен, разгуливаешь в бурке по солнцепеку?

Котэ молча сверкал глазами, часто оглядывался назад.

Увидев Тенго, Шавдатуа улыбнулся.

— Ага, призадумались над моими словами!

— Призадумались, дядя Дата, и сейчас мы вам покажем... — сказал Тенго.

Шавдатуа ничего не понимал.

Котэ бросил бурку прямо на скошенную траву, потом, отобрав у Тенго палочку с зарубками, стал измерять. Измеряя, он все время сбоку поглядывал на Шавдатуа и хитро приговаривал:

— Это ведь двадцать сантиметров. Так?

— Так... Двадцать сантиметров... — повторял Шавдатуа.

— Это ведь сорок, так?..

Так...

— Это шестьдесят... Это сто сантиметров?.. Это сто пятьдесят... А теперь посмотрим, можно ли измерить сантиметрами молодецкий прыжок!

— Посмотрим... — уже неохотно пробормотал Шавдатуа.

— ...Теперь помножим на три... Ты говорил о трех развернутых бурках, не правда ли, дядя Дата?..

— Да, о трех...

— Так вот они! Правильно ведь?

— Правильно...

— Вот я провожу черту... Теперь смотри на меня!

«Вы хитрые, но Шавдатуа похитрей», — подумал Шавдатуа и посмотрел на длинные ноги парнишки, готового к прыжку. Котэ отошел на порядочное расстояние и приготовился.

«Перепрыгнет, чтоб ему ноги обломать!.. Перепрыгнет, дьяволенок! Где они только нашли эту завалиющую бурку!..»

Шавдатуа ухмыльнулся. Теперь

для него было безразлично, перепрыгнет парень или нет. Он спокойно сел на лужайку и достал кисет. Перед его носом мелькнули растянутые в прыжке, длинные, согнутые, как у кузнечика, ноги.

— Есть!

— Перепрыгнул!

— Молодец!

Шавдатуа снисходительно поднял голову и смачно выдохнул табачный дым.

— Что теперь скажешь, дядя Дата? — многозначительно спросил Тенго...

— Сейчас я скажу то, что скажу, — усмехнулся Шавдатуа, встал и повернулся к Котэ. Тот лежал, отдыхая на скошенном сене.

— По-вашему, это — бурка?.. — спросил Шавдатуа.

— А что же это? Конечно, бурка.

— Давеча я вам ничего не сказал, чтобы смелость не потеряли, а теперь уж скажу. Это, дети мои, не бурка, а чистый смех! Этот хлам, который вы измерили, не годился бы тем молодцам, потому, что не закрывал бы им и колен!

Тенго словно облили холодной водой. Он встал и удрученно рассматривал разостланную на сене бурку.

— Одурачить меня хотели, птенцы! Не вышло, кишка тонка! Не прошло ваше вранье!

— Какое вранье, дядя Дата! — закричал голенастый.

— Сматывайтесь отсюда, не мешайте работать! — строго сказал Шавдатуа.

Тенго схватил бурку и бросился вниз. За ним побежали Котэ и остальные.

Шавдатуа, прищурившись, долго смотрел на сбегающих по косогору парнишек и уже не сдерживал смеха.

* * *

Площадка опустела.

Веселые песни теперь уже доносились снизу, из деревенских переулков, зажатых плетеными изго-

родями... Тенго сидел, задумавшись.

Голый до пояса Тенго не спешил одеться. На нем были коротенькие спортивные штаны с широким красным поясом. Он сидел неподвижно, ожидая, когда все утихнет.

Вечерело. Было как раз то время, когда приятны и тепло уходящего жаркого дня, и свежесть наступающих сумерек.

Внизу в кустарнике слышались осторожные шаги, и вскоре показалась Нино.

— Ты вернулась? — спросил Тенго.

— А ты почему остался?

Тенго ничего не ответил, лег на спину и стал смотреть в небо.

Еще четверть часа назад луна казалась белой, сейчас же в нее вкрадывалась желтизна, она наливалась светом. Она созревала, как плод.

— Почему остался? — повторила Нино, села с ним рядом и ласково погладила его по волосам.

— Дело у меня...

— Дело? — засмеялась Нино. — Какое дело может быть у тебя на кладбище, да к тому же ночью?! Тебе не страшно?

— Я же тут вырос... Отсюда виден мой дом... Во что не верю, того не боюсь!

— Иногда именно потому и боишься, что не веришь, не понимаешь.

— Может быть... На незнакомом кладбище и мне бы показалось страшновато, но здесь покоятся мои бабки и прабабки. Соседи... — сказал Тенго и, засмеявшись, добавил: — знакомые мертвецы не страшны!

— И все же, что у тебя за дело на этом кладбище?

— Так просто остался... Знал, что ты вернешься, когда все уйдут...

Тенго обнял ее, заглянул ей в глаза.

— Неправда, — вздохнула Нино, освобождаясь от его рук, — неправду говоришь... Если бы ты хотел встретиться со мной, ты бы сказал. Это не только сегодня! Я замечала,

что ты остаешься здесь! И не отходишь от этого камня...

Тенго вздрогнул и встал. До сих пор его скрывала тень, теперь же в свете луны возвысилась, выросла его фигура. Нино, не шевелясь, смотрела на него. Снизу он казался еще более высоким и плечистым. Лунный свет придавал его загорелым плечам и груди блеск бронзы. Он добродушно улыбнулся.

— Ладно, раз уж ты меня поймала, скажу тебе то, что скрывал, — смущенно сказал Тенго. — Твоя правда, я уже давно обхаживаю этот камень, я должен поднять его...

Нино посмотрела на темнеющую вблизи глыбу.

— Сначала я в шутку начал тормозить его, пробовать... Первый раз даже не сдвинул с места. Схватил второй раз — рука соскользнула, и я упал на камень... Разозлился, и в третий раз все же оторвал его от земли. Как говорят в таких случаях, пропустил ветерок. Так появилась у меня надежда, и вот потихоньку, в свободное время прихожу сюда.

— Кто придумал все это? К чему это, Тенго!

— Я подниму его! — сказал Тенго, словно убеждая самого себя. — Знаешь, как я подниму его?... Вот так...

Нино следила за его руками. Напряженные пальцы, казалось, держали что-то тяжелое и тихо, постепенно поднимались вверх. Нино показалось, что луна опустилась вниз и вдруг оказалась в руках у Тенго. Сквозь пальцы струился свет...

Тенго уронил руки и вздохнул. Луна осталась высоко в чистом небе.

Он сел рядом с Нино.

— Этот камень мог поднять только Хизамбарели.

— Кто этот Хизамбарели?

— Был... сто лет назад!

— Нечего сказать, достойный противник! — засмеялась Нино и потрепала его за чуб.

Тенго улыбнулся. Он хорошо знал, с кем соревнуется. «С мертвецом и... с живым», — хотел ответить он, но ничего не сказал. Хотел сказать, что жизнь и есть борьба живого с мертвым. Что живой человек старается сделать больше того, что сделали его предшественники. Вспыхать и получить больше, жить дольше и лучше... Хотел сказать, но побоялся, что не сумеет, не выскажет так, как чувствует!

Ах, если б можно было записывать невысказанные мысли!.. Записать эти мысли Тенго и показать их его любимой. Тогда поняла бы Нино, тогда...

Тенго лежал и насвистывал любимую песенку. Насвистывая ее, он всегда успокаивался. Эту песенку напевала и Нино, когда они оставались одни.

Тебе пою, только тебе...
Все, что через сердце проходит,
Тебе сорву, только тебе,
Цветы моего сердца!

То была песенка любви, тихая и грустная. Тенго увлеченно свистел, Нино напевала, — тихонько, без слов.

Временами из ущелья доносилось тоскливое уханье филина. Тенго сидел, опираясь подбородком о согнутые колени, вслушиваясь в крик ночной птицы.

— Хорошая будет погода, — сказал он. Встал, быстро подошел к камню и взял пригоршню земли, размял ее в руках, глубоко вздохнул и наклонился.

Нино сидела, не шевелясь. Незаметные, скрытые до этого мускулы вздулись и заиграли на бронзовой груди Тенго, на руках, на ребрах, натянутых, как луки. Жилы на шее тоже вздулись, затвердели икры, закруглились, как мячи. Колени вздрагивали от напряжения...

Незаметно, совсем незаметно сдвинулся с места камень, дрогнул, покачнулся и отделился от земли...

Нино не верила тому, что видела. Ей казалось, что малейший

звук, даже сильный вздох заставит Тенго выпустить камень из рук. Казалось, эта полная ночных тайн окрестность тоже притаилась, и из темноты, затаив дыхание, вышел сам Хизамбарели — стоит в густом орешнике и с улыбкой смотрит на неожиданного соперника.

И вдруг Нино негромко вскрикнула и вскочила на ноги. Она стояла изумленная, не понимая, что с ней происходит. Случилось что-то странное. Нет, ее испугал не тоскливый крик филина, который вдруг пролетел над ними. Нет, то, что заставило ее вскочить на ноги, было внутри ее существа. Оно двигалось и толкало!

Тенго вздрогнул, глыба выскользнула из рук, загудела подмятая ею земля. Казалось, колеблется почва под ногами. Нино не понимала, что это — от падения глыбы, или это биение ее смятенного сердца.

— Что с тобой?

Тенго подошел к ней. Он тяжело дышал. Взял ее за руку, запрокинул голову, посмотрел в глаза. Они долго смотрели друг на друга. У Тенго были радостные, счастливые глаза. Он никак не мог отдышаться. Нино молчала. То неясное, радостное, что колоколом ударило в сердце, заставило вскочить на ноги, не покидало ее и сейчас.

— Ты так удивилась, что даже вскрикнула, да? — спросил Тенго и, отпустив ее, стал натягивать на себя майку.

Нино все стояла, как немая.

— Скоро я рассчитаюсь с Хизамбарели... Я уже поднимаю до пояса... — Тенго сел и стал натягивать брюки. Нино вдруг со стоном опустилась рядом.

— Ты что — плачешь?

Нино и вправду плакала, слезы, срываясь, падали на грудь Тенго.

Удивленный Тенго обнимал девушку, целовал ее мокрые глаза, спрашивал, что с нею, но Нино все плакала. Плакала и смеялась.

— Боюсь, — сказала наконец Нино и умоляюще посмотрела на Тенго. — Боюсь, не знаю чего...

Может быть того, что сейчас почувствовала...

— Что случилось? Что ты почувствовала?

— Положи руку вот сюда... — смущенно сказала Нино, — нет, не сюда, немного ниже, — шепотом добавила она и протолкнула его горячую руку чуть пониже груди.

— Ничего не понимаю, — засмеялся Тенго.

— Ты глупый мальчик... Не понял? Там что-то зашевелилось!

— Мой сын! — закричал Тенго и обнял Нино.

* * *

В Шубати наступал необычный вечер. Вечер тридцатого апреля.

Солнце еще не садилось, когда на ореховом дереве вывесили написанную большими буквами афишу.

Это место у дороги, где стоял орех, называли «Шубатским клубом». По вечерам здесь собирались отдохнуть, повеселиться.

В тот вечер было особенно шумно. Идущие с виноградников и с полей колхозники присоединялись к тем, кто пришел раньше. Все они рассматривали странную афишу. Чимия-парикмахер уже в третий раз громко, чтобы слышали все, читал афишу:

«Завтра, Первого мая, с утра на площади у церкви Дзлевис Кеди устраиваются соревнования по:
грузинской борьбе,
гимнастике,
прыжкам на длину трех разостланных бурок.

Кроме того, состоится состязание с Хизамбарели».

Последние слова были выведены на афише круглыми красными буквами, и Чимия-парикмахер выкрикивал зычным голосом:

— Состязание с Хизамбарели, люди, понимаете, состязание с Хизамбарели!

Но его никто не слушал, люди шумели — кто требовал разъяснения, кто сам разъяснял. Тех, кто вывесил афишу и знал подробности о соревнованиях завтрашнего утра, нигде не было видно. Они скрылись, должно быть, для того, чтобы еще больше разжечь любопытство.

Шавдатуа стоял впереди всех. Он подозрительно вчитывался: «Через три разостланные бурки»... «Меня хотят одурачить, сопляки, но не выйдет, не выйдет, как и в тот раз не вышло...» Он подошел к Георгию, стоявшему в отдалении.

Грозно нахмурив брови, тот тоже смотрел на красные буквы и не верил своим глазам. «Вы только поглядите на него! Состязается с Хизамбарели!»...

— Чего только не придумают! Состязания с мертвецами! — воскликнул пожилой крестьянин.

— С нами крестная сила...

— Вот озорники!

— Все же посмотрим, кто кого одолеет! Живые мертвого или мертвый живых!

— Лучше бы не тревожили тот камень, как бы беды не вышло...

Георгий закусил губу и пошел домой. Насупившись, шел он и думал: «Меня, меня хочет ниспровергнуть, а не ностельского каменщика».

Его догнал Шавдатуа. Некоторое время молча шли рядом. Наконец Георгий первым нарушил молчание:

— Ишь куда замахнулся!

— Да, своевольный пошел народ, — поддакнул Шавдатуа.

«А вдруг поднимет... Вдруг сравняется с ностельцем!» — думал Георгий, шагая по дороге между изгородями. «Нет, разве возможно такое? Опозорится, станет посмешищем деревни. И поделом ему, пусть знает меру...»

Он поднялся по свежевymетенной каменной лестнице и на самом верху ее столкнулся с сыном. Тенго уступил дорогу и молча кивнул головой.

— Куда направляешься?

— Пройдусь немного...

— Не лучше ли отдохнуть?... Завтра ведь попотеть придется!

Тенго улыбнулся.

— Разве мы не были молоды? — продолжал Георгий. — Много раз и мы обдирали руки об этот камень, но такого, кто поднял бы его, не нашлось. Отступись!

Тенго улыбался. Слабый свет луны освещал его лицо.

— Камень Хизамбарели пусть не кажется тебе маленькими гантелями... Понял?

Тенго словно не слышал того, что говорил Георгий; он смотрел в одну точку и улыбался, улыбался чему-то непонятному, недостижимому для Георгия.

— Ты чего скалишь зубы! — воскликнул, потеряв терпение, Георгий.

По лицу Тенго скользнула тень. Улыбка исчезла. Он вздохнул и опустил голову.

Некоторое время отец и сын стояли молча. Потом Георгий спросил:

— Птичку трясогузку знаешь?

— Видал...

— Так вот, эта птичка клюет мелкие камешки на каменистом речном берегу...

— Этого не слышал.

— Ну так теперь знай... Почему и для чего глотает, это другое дело. Только действительно глотает. И курица тоже глотает камешки.

Тенго пристально смотрел на отца.

— Но прежде, чем проглотить камешек, эта птичка трясогузка подносит камень к задку и примеряет, пройдет ли он. Понял?.. — фыркнул Георгий. Взял сына за шею, но Тенго стоял, как врытый в землю столб. Холодной и непоколебимой показалась отцовской руке сильная спина юноши. Георгий обернулся.

Освещенное луной лицо сына показалось ему посеревшим.

* * *

Весь Шубати собрался в церковной ограде. Народ шумел, нетерпеливо ожидая необычного зрелища. Георгий, Шавдатуа и деревенские старики сидели отдельно в сторонке.

Камень Хизамбарели лежал на самой середине площади.

Слышался оглушающий писк зурны и звуки доли. Но зурначей и барабанщиков не было видно. Который раз Георгий оглядывался

вокруг, но нигде не мог их обнаружить. Звук зурны то усиливался, то стихал, и тогда у самого уха гудел пчелиный рой.

Вдруг на той стороне, как раз напротив Георгия, народ раздался, и вышло несколько юношей. На них были красные майки, короткие черные штаны обтягивали бока. Они были похожи друг на друга — одинаково шли, одинаково улыбались. Только один выделялся из них — широкоплечий и рослый, он сурово, без улыбки, шел впереди всех.

Георгий пригляделся, узнал Тенго.

Тенго остановился около камня и оглянулся назад. Он не подавал никакого знака, но юноши отошли назад и выстроились перед толпой.

Откуда-то появился Чимия-парикмахер, вышел в круг и поднял руку. Народ замер, смолкла зурна.

«А этому парикмахеру что здесь надо?» — удивился Георгий и дал хорошего тумака сидящему рядом Шавдатуа, но Шавдатуа не пошевелился, даже не почувствовал — он сидел, раскрыв рот.

Чимия-парикмахер тоже открыл рот и так, чтобы все слышали, громко закричал:

— Люди, сегодня на этой площади состязаются в поднятии синего камня ностельский чемпион Хизамбарели и шубатский парень Тенго Кобаидзе!

Снова над самым ухом Георгия завизжала зурна, снова раздалось гудение таинственного пчелиного роя, и застучал доли. Георгий собрался посмотреть туда, откуда шел звук, но в ту же секунду другое невероятное зрелище привлекло его взор.

Ребята в красных майках вывели на площадь красиво убранную белую лошадь и поставили ее перед синим камнем. Лошадь заслонила камень, но Георгий все же видел край его сквозь ее тонкие ноги.

Затаив дыхание, народ с нетерпением ждал... Георгий не знал

точно, чего ждет народ, сам же он словно ждал появления Хизамбарели. Где-нибудь здесь, поблизости должен был быть и ностельский каменщик.

Георгий посмотрел вокруг.

Действительно, там, за толпой, в орешнике, стоял Хизамбарели и наблюдал за своим соперником. Под торчащим чубом смеялись большие, медового цвета глаза.

Как видно, Хизамбарели никто, кроме Георгия, не замечал, а то уважаемого гостя, конечно, пригласили бы и посадили на почетное место. Скромный каменщик, видимо, не собирался навязываться. Он был на целую голову выше всех и хорошо все видел.

Георгий увидел внизу, у камня, пальцы Тенго и тут же снова посмотрел на Хизамбарели.

Большие глаза были у ностельского каменщика, чистые, как зеркало, и светлые. Георгий не мог отвести глаз от этого зеркала, он уже не смотрел в сторону сына. По выражению глаз Хизамбарели, по тому, как хмурился лоб, поднимались и опускались брови, он все видел.

Может быть, Георгий просто боялся взглянуть на сына? Боялся, чтобы его глаза не встретились с глазами Тенго и...

Конечно, он боялся, иначе почему же у него дрожали колени, дрожали руки, лежавшие на этих коленях...

Вдруг глаза ностельца заблестели, в удивлении приоткрылись уста, и он потянулся вперед.

Что обрадовало, что удивило его?

Георгий поднял голову. У лошадиных ног не было видно ни синего камня, ни рук Тенго. Только напряженные ноги, широко расставленные на земле.

Георгий не вытерпел и посмотрел выше.

Над седлом медленно поднимался камень. Вот показались вздувшиеся мускулы рук. Потом между руками выглянули заблестевшие

кашлянул, сухие губы окрасились в пунцовый цвет, красным окропился белый архалук.

Он подошел к тахте, сунул руку в мешок. Потом завязал его края и поднял мешок обеими руками. Мешок был не тяжелый, даже ребенок мог бы взвалить его на спину. Ему же мешок показался вдруг непосильной тяжестью.

«Мало было тебе заработанной честно меди; позарился на награбленное серебро, и поделом тебе, поделом...»

Положив на плечо кожаный мешок, он прихватил сложенную бурку и вышел.

Белый конь уже ожидал его, привязанный к столбу. Он закрепил бурку и кожаную суму за седлом и взнуздal коня.

Кругом шатался пьяный люд, ему что-то кричали, хлопали по плечу, благословляли его путь. Он схватился за седло, с трудом просунул ногу в стремя и застонал, когда очутился в седле. Почувяв всадника, белый конь фыркнул и пошел рысью.

* * *

— И моего Тенго так же одолел тот камень... — вздохнул Георгий и посмотрел вслед всаднику.

— А что с ним, с Хизамбарели?.. — спросил Авгеоргий.

— Посмотри, за несколько часов постарел человек, посерели румяные щеки, глаза провалились... Он бледен, как мертвец.

— Зато везет домой мешок серебра...

— Будто бы довезет? А может еще на ностельской дороге догонит его смерть?.. Жизнь его кончилась здесь. этим утром.

— О чем же он думал, когда так растрачивал силы, которые отпущены были ему на всю жизнь, разом потратил, подняв эту глыбу... Не знал он, что силу надо так же бережно расходовать, как и серебро!

— Но разве отмеренной силой можно чего-то достичь? Если разом не потратишься, если разом не взмахнешь обеими крыльями, никогда

не взлетишь орлом... Для чего безречь силу? Для того, чтобы только называться живым и сто лет бессильно влачить свой труп?

— Кто разом израсходует все, что ему отпущено, того охватит пламя, он вспыхнет, как стружка.

— Пламень свет дает... И свет этот другим освещает путь. Если бы Хизамбарели разом не растратился бы и хоть сто лет прожил, ни состояния не приобрел бы он, ни славы. А потом все равно бы умер. Но он и серебро добыл и имя свое прославил. Серебро здесь останется... а имя его будет жить сотни лет!

— Ты так говоришь, будто все мечты человека, весь смысл его жизни, вся слава его — в смерти на этой дороге.

— Но ведь это смерть победителя.. Он погиб, победив!

— Значит, потому и написали на камне: смертью смерть!

— Конечно! Счастлив тот, кто смертью смерть победит!

— Жалок все же человек... Утром глыбу перекинул через коня, как арбуз, а вечером едва поднял кожаный мешок. Лучше бы не поднимал ничего, кроме своей лопаточки, той, которой заглаживают стены. сидел бы себе в тени и горя не знал, если б даже не всегда и ел досыта!

— Будто бы польстился он на награду?

— А разве нет...

— Не гневи бога... Значит, нет подвига в этом мире?! Но если Хизамбарели соблазнило серебро, то что же заставило моего Тенго сразиться с глыбой?!

* * *

Конь перевалил через гору Дзлевис Кеди, прошел равнину и вступил на тропинку, ведущую в Ностэ. Тропинка петляла вдоль каемки леса. Вечерело; неясно вырисовывались зловеще шелестящие деревья.

Полпути прошел Хизамбарели. ни разу не обернувшись. Голова отяжелела, он не мог повернуть шею.

Незнакомая дорога и новый хозяин пугали коня... Всадник не замечал этого, рука его бессильно

опускалась, слабело тело, тяжело напивавшее на седло.

Одна нога выскользнула из стремени и повисла. Он покачнулся и перегнулся влево.

Обеспокоенная лошадь непокорно махала головой, грызла удила и ржала.

Бессильным движением потянул он за повод. Он уже не мог сидеть в седле, боль бродила по всему телу, вонзаясь многочисленными кинжалами.

Конь остановился.

Лес тонул в темноте. На дороге не было ни души. Кое-как всадник спешился, привязал коня к кусту и там же повалился... Он задыхался. Не в силах лежать на спине, повернулся на бок. Закрыв глаза.

Что с ним, какое несчастье настигло его на этой безлюдной дороге?.. Послал бы бог кого-нибудь, кто бы мог помочь ему... На минуту им овладела дремота, и он отчетливо услышал голос Тархнишвили.

— Что же ты прячешься, Хизамбарели? Смелее, парень!

Счастлив был тогда ностельский каменщик, услышав эти слова. Два, три рога шубатского кисловатого вина успел он опорожнить и стоял, глядел на забаву. И не думал ни о камне, ни о том, чтобы себя показать. Кожаный мешок был полон медной монетой. Эти медные деньги осчастливили бы мать, на них подправил бы он свой дом, справил свадьбу...

— Э-э-эх...—простонал Хизамбарели и открыл глаза.

Темное беззвездное небо распростерлось над землей. Ветерок налетал на чернеющий лес, и лес зло шелестел.

«Уже ночь, или в глазах моих стало темно?» — подумал он и протер глаза.

Что-то белое вышло из темноты, приблизилось, сопя и сверкая глазами.

Хизамбарели вдруг почувствовал: это то, о чем он до сих пор никогда не думал.

Конечно, смерть еще не скоро вспомнила бы о нем, если б его в

это утро не заметил в толпе вошедший в раж Тархнишвили, если б не вспомнил, как в течение трех месяцев ностельский каменщик на лесах церкви играл, как мячами, тяжелыми резными камнями... А если бы и вспомнила о нем смерть, то и близко подойти не посмела бы. Смерть подходит лицом к лицу только к бессильным.

Вот теперь она стоит над его головой и моргает ему желтыми глазами.

— Эх! — вздохнул Хизамбарели и замахнулся на белое привидение.

Испуганная лошадь фыркнула, встала на дыбы, сорвала привязь и исчезла в темноте, как белый туман.

Поняв, он простонал:

— Горе тебе, Хизамбарели... Полученный в награду конь показался тебе смертью. Да так оно и есть. Наградой твоему мужеству и будет смерть на этой дороге!..

Только б добраться до дому! Мать постлала бы ему черную постель и оплакала бы его. На полученное в награду серебро купила бы гроб и, оседлав коня, повела бы его перед гробом.

Теперь нет у него ни коня, ни серебра. И старой кожаной сумки тоже нет. Счастье надсмеялось над ним.

Он умрет вот здесь, у края дороги.

— Нет, нет! — вздохнул Хизамбарели.

Он приподнялся и стал слушать... Действительно ли он кричал это, или это был не его голос?

— Нет, нет! Не хочу умирать! — повторял он и снова прислушивался к собственному крику, чувствуя, как возвращаются к нему силы.

Так кричал хевсур Джонка смертельно раненому побратиму своему Мартия. Этими словами пытался он помочь Мартия встать на ноги.

Мартия мучился, пытался встать, но валился. Ему было не до того, чтобы таскать ружье. Он зажимал рану рукой, стонал и кричал:

— Эй, проклятая смерть, надо было сразу!..

Мартия был крестным Хизамбарели... Когда крестнику исполнилось семнадцать лет, отправился он к крестному в Хевсуретию. С открытой душой встретили там его. В пирах и охоте проходили дни. Неожиданно на деревню напали враги и отбили овечье стадо. Мартия не взял в погоню крестника, велел оставаться дома. Но юноша не послушался и тайком от старших, взяв ружье, лесом последовал за ними... Мартия был ранен на его глазах...

— Горе мне, смерть! Дай отдохнуть немного, дай силу взять ружье и отомстить врагу!

— Не умирай, Мартия... Не умирай! — кричал умирающему Джонка.

— Не хочу умирать, не хочу... — повторял Мартия слова побратима и куском материи, оторванным от рубашки, тщетно пытался остановить кровь.

— Вставай, Мартия, вставай... Мы заставим отступить смерть!

— Заставим отступить, заставим...

— Не хочу умирать... — простонал Хизамбарели и посмотрел себе на грудь. Белые края чохи потемнели — хлынувшая изо рта кровь окропила их.

А какое утро рассвело для него сегодня!

И правда, не хочется умирать на дороге. Скоро в Шубати разойдется народ. Пройдут люди по этой тропинке и наткнутся на него. Лучше бы он там же и умер. Лучше бы тяжелая глыба упала на него и раздавила.

Он должен встать и уйти в лес. Там непроглядный мрак, зверье, но он — должен, должен... Тогда никто не увидит умирающего парня, или, если услышат его стон, то не решатся войти в лес ночью, пойдут своей дорогой... Разве поверят, что в лесу умирает тот, кого сегодня утром все считали счастливым.

Так лучше, так лучше...

Если найдут его, то скажут, что пьяный от счастья сбился с пути, уснул в лесу, и загрыз его там дикий зверь. Бурку, и ту унесла лошадь. А то завернули бы его в ту бурку и повезли в Ностэ, к матери, чтобы оплакала сына.

Так лучше...

Ночной лес зло шелестел. Слышался звериный рев и глухое бормотанье столетних деревьев.

* * *

Рано утром чей-то крик разбудил Георгия...

Как будто закричали в самое ухо. Это был голос, возвещающий о несчастье. Георгий вскочил и стал надевать сапоги. Теперь крик слышался издали. Это был женский голос, похожий на непрерывный колокольный звон.

«Что за сон свалил меня, я даже не заметил возвращения парня»... — подумал Георгий и открыл смежную дверь.

Постель Тенго была уже убрана. На тахте лежал ковер, на нем — две пестрые мутаки.

«Ну да, сегодня он встал очень рано. Сегодня ведь...»

Георгий уже собрался выходить, когда заметил висящую в углу около двери одежду. Это были выходные брюки и рубашка Тенго.

Вдруг он вспомнил, с каким удовольствием гладил свою одежду парень. Побрызгает, потом накроет газетой и старательно гладит.

«Почему же он не одел их? Для чего тогда он погладил все, если не собирался одеть сегодня утром? Может, он не возвращался вчера?»

От этой мысли сердце его дрогнуло, и он быстро вышел.

Хахато подметала двор. Она не услышала, что муж вышел.

«Счастлива эта глухая женщина, наверно, и того крика не слышала», — подумал про себя Георгий, и спросил громко:

— Парень где?

Хахато посмотрела на него, выпрямилась, но ничего не ответила.

— Я спрашиваю, сын где?!

— Не кричи, слышу я... Это тебя надо спросить! — угрюмо ответила Хахато и стала мести дальше.

Слова жены пулей вонзились в сердце Георгия.

«Значит, он не возвращался вчера домой... Где же он, где?»

В эту минуту снова раздался страшный крик. Теперь гораздо ближе — наверно, посреди деревни... Хахато на мгновение перестала мести и посмотрела на мужа; наверно, какой-то неясный звук достиг и ее глухого уха.

Георгий не смел выйти со двора. Страшное подозрение сковало ноги. Все же он пересилил себя и открыл калитку.

И тут же вспомнил вчерашний вечер.

Вот здесь, около этой калитки, они расстались. Мальчик быстро сбежал вниз по каменной лестнице, лицо его было обращено к отцу, он так и сбегал, с обидой глядя назад, словно прощаясь с отцом.

Георгий вышел через калитку, хлопнул дверцей, — рассердился на себя, на свои глупые мысли, вышел на дорогу.

Вдали показались два паренька, они шли, громко разговаривая. Заметив Георгия, остановились.

— Куда направляетесь в такую рань? — спросил Георгий.

Парни стояли молча, потупившись.

«Горе тебе, пропал ты, Георгий, горе тебе, горе»... — крикнул кто-то внутри него.

— Вы что, онемели? Если идете, идите своей дорогой! — пролепетал Георгий.

— Дядя Георгий, к вам нас послали...

У парня прервался голос, он виновато опустил голову. В третий раз услышал Георгий тот крик, но уже совсем близко. И что-то оборвалось в его сердце. Он двумя руками схватил парня за плечи и затряс его.

— Где Тенго, парень?

— Там он... там... — чуть слышно произнес парень.

— Где — там?.. Под орехом?

Но Георгий хорошо видел, что парень показывает ему на другой край деревни. Он оставил онемевшего парня и, задыхаясь, побежал. Позади бежали парни.

Под орехом толпился народ. Край вывешенной вчера афиши развеивал ветер. При каждом порыве бумага расправлялась и мелькали красные буквы: «Состязание с Хизамбарели»... Но собравшиеся под орехом люди уже не замечали афиши.

Пожилая женщина кого-то уговаривала:

— Вот вода... Пей, сердцу будет легче...

Кому-то подают воду, успокаивают. Может быть, это не его, Георгия, а другого постигло несчастье?

Но нет. Увидав Георгия, собравшиеся молча расступились. И сразу все кинулись туда, куда те парнишки показывали рукой... Побежали, то и дело оборачиваясь на Георгия, без слов зовя его за собой.

Под деревом остались пожилая женщина и девушка, сидящая на камне. Развевающиеся волосы, голова опущена, в руках чашка, в которой ей только что подали воду. Обессиленная рука едва держит чашку, разливается вода, льется на белое платье, на ноги.

«Господи, ведь это Нино... Это ее крик слышал я давеча... Что же сразило ее? Какое горе? Мое?»

Увидав вблизи безучастное ко всему, безразличное лицо Нино, Георгий почувствовал, что ноги у него подкашиваются.

Пожилая женщина двинулась ему навстречу, взяла за руку, вывела на дорогу.

— Иди за мной, несчастный.

Нино бессильно подняла голову, посмотрела вслед уходящему Георгию и закричала. Чашка выпала из ее рук и разбилась о камень.

* * *

Народ расступился и пропустил человека, который, пошатываясь, шел по склону к деревенскому кладбищу.

Сначала он увидел ноги Тенго... Он узнал чуть поношенные спортивные тапочки сына. Носки тапочек были задраны кверху.

«Навзничь лежит... Может быть, я еще не совсем погиб, может быть, он сидит?.. Нет, если бы он сидел, я бы видел лицо. Лица не видно, значит, он лежит навзничь...»

Когда он еще немного поднялся, то увидел край каменной глыбы.

Он сделал еще несколько шагов, за глыбой показалось лицо...

Глыба навалилась на грудь мальчика всей своей тяжестью, лишь один ее край касался земли.

С ужасом, с изумлением смотрел Георгий. Он словно прирос к тому месту, где остановился.

— Что же вы смотрите! — воскликнул кто-то. — Откатим этот проклятый камень!

«Нет, не откатывайте... Надо осторожно поднять и отнести в сторону...» — беззвучно шепчет Георгий и молчит.

— Подождите, придет милиция, посмотрит, удостоверит. Мы же ничего не знаем, мало ли что... Может, это преступление, может, его...

Говорящий еще сам не верит, что перед ним лежит краса и гордость деревни, чудесный парень Тенго.

А Тенго лежит на спине, в открытых глазах его нет ни страдания, ни боли; только какая-то странная тусклая улыбка все еще светится в этих безжизненных глазах.

— Может, и правда... Взяли да потом положили на него этот камень! — шепотом говорит другой и внимательно рассматривает голые руки Тенго, вглядывается в лицо, ищет следы злодейства.

«Уби-и-и-ли, уби-и-и-ли!» — в ужасе выстукивает сердце Георгия.

«Не ищите следов преступления, не найдете, нет! Это я знаю, только я... я... я его убил!»

«Горе мне... Я убил, я!» — кричит Георгий... Но нет, это не Георгий, это кричит его сердце. И этого никто не слышит, никто не смотрит в его сторону.

Только теперь решается Георгий подойти поближе... Сначала тихонько касается камня, невольно гладит

рукой, как если бы это была грудь Тенго. Камень тоже холодный. Потом опускается на колени, поправляет дрожащей рукой волосы, упавшие на остывший лоб... Как давно уже рука его не касалась этих волос, не ласкала их. Лишь в детстве шлепал он сына по затылку. С тех пор, как вырос Тенго, он не прикасался к нему. Издалека смотрел он на сына, мысленно лаская его. Только вчера в последний раз охватил Георгий эту сильную шею.

«Иди, иди, ласкай теперь сына, несчастный... Теперь он уже не сможет взглянуть на тебя своими большими удивленными глазами. Не удивится он, нет, не сможет удивиться...»

А кругом — голоса, голоса:

— Правда, — продолжает тот первый голос, — надо подождать... Чего только не происходит на свете! Если это преступление, то нельзя упустить того, кто посягнул на такого парня!

— Не то вы говорите, — слышит Георгий голос Шавдатуа:

— Бывает, горячий борец падает на лопатки, попавшись на свой же прием. Так и с ним. Когда на ноги навалилась вся тяжесть, он поскользнулся. Смотрите, видите — след на траве...

— Да, — подтверждает чей-то голос, — трава тут, в самом деле, вмята.

Внизу, между изгородями, растет шум, народ стекается отовсюду. Громко разговаривать никто не смеет. Иногда какая-нибудь старуха, подойдя, вскрикнет: «Горе твоей матери!» Все смотрят на след у ног Тенго. Георгий же глядит в свое сердце и там ищет след, тот страшный след. «Горе твоей матери...» Она же еще не знает, до нее еще не дошел голос несчастья. И никто ей не посмеет сказать. Позднее всех узнает она, мать.

— Смотрите, на камне надпись...

Эти слова произносятся шепотом. Но в звенящей тишине Георгий отчетливо слышит:

— Удивительная надпись...

«Какая надпись?.. О чем еще могут думать люди!»

— Пропустите, дайте дорогу!
— Милиция идет. И председатель.

Ходят вокруг расprostертого Тенго, рассматривают камень, разглядывают то место, где он поскользнулся... Георгия никто не замечает. Никто не может посмотреть ему прямо в глаза, всех пугает его горе. Многие плачут. А отец с сухими глазами облокотился на онемевшие колени и слушает, слушает то чужие слова, то собственное сердце...

И начальник милиции, и председатель сельсовета приходят к выводу, что парень поскользнулся, когда поднял над собой глыбу.

Георгий только сейчас понимает, только сейчас доходит до него, что Тенго, его мальчик, поднял, одолел камень Хизамбарели, поднял выше головы, поднял над собой, иначе разве упал бы он ему на грудь!..

«Теперь уже можно откатить камень... Ну-ка, иди, Шавдатуа, приведи мужчин. Он же один поднял!.. Идите и подымите, только осторожно, не раздавите мальчику грудь... Видите, какой он тяжелый, этот навеки проклятый камень!»

Четыре человека осторожно, пыхтя и вздыхая, поднимают камень и отбрасывают в сторону. Камень раз за два переворачивается на склоне и останавливается у начала тропинки, ведущей на кладбище...

Парень раскинул руки, как готовый к полету орел. Еще держится застывшая на его лице странная улыбка... Эта улыбка минувшего счастья, улыбка тех мгновений, когда, победивший и счастливый, он смотрел снизу на поднятую им глыбу. То, что он упал на землю, чтобы погибнуть, не дошло до него, не запечатлелось в глазах.

— Какая же сила должна была быть у этого парня! — удивленно говорит кто-то и смотрит на Тенго. Георгий не может туда взглянуть. Подходит Шавдатуа, берет его за руку и отводит в сторону. Отец не должен видеть раздавленную грудь сына.

— Силу, которой хватило бы на всю жизнь, растратил он в одну

минуту! — слышит Георгий. Теперь он не видит Тенго. Народ обступил его еще теснее. Наверно, они хотят поднять его и отнести домой. Хахато ведь тоже должна узнать о своем несчастье.

— Это что за горе с тобой, Георгий, — говорит председатель. — Что заставило парня сразиться с этой глыбой?

Помнит, все хорошо помнит Георгий... И расскажет вам, людям, непременно расскажет. Только погодите немного. Сначала он доставит Хахато ее первенца. Несут уже? Да, уже несут, идемте, идемте вперед, покажем дорогу.

Нет, нет... Все невозможно сказать. Все он расскажет только самому себе, когда останется один.

* * *

Чашка выпала из рук Нино и разбилась о камень. Нино поднялась, долго смотрела на осколки непонимающим взором, потом, шатаясь, сделала шаг. Шаг, еще шаг. Постепенно вернулись к ней силы, и вот она пошла быстрее, еще быстрее.

Сзади что-то кричали ей, махали руками, но сейчас все это не имело значения. Тенго был мертв.

Она миновала тропинку на Дзлевис Кеди и подошла к склону с другой стороны, не поднявшись на кладбище... Тенго лежал там, и около него собралась вся деревня. Но Нино не поднялась туда. Она другой дорогой хотела подняться к Тенго.

Эта дорога выходила к вершине со стороны крутой скалы и нависала над ущельем... Оттуда лет десять назад свалился пастух Гагна. Гнал в деревню коз, поскользнулся и упал в ущелье.

Нино вместе с другими детьми видела, как сорвался пастух. Дети тотчас побежали туда. Нино не решилась. Она с плачем вернулась в деревню.

«Он умрет? Обязательно ум-

рет?» — всхлипывая, спрашивала маленькая Нино всех, проходивших мимо.

«Что же спасет несчастного, когда под скалой такие острые камни, доченька», — сказал ей какой-то старик.

Так вот, на эти острые камни теперь упадет Нино, и все кончится... Потом Тенго и Нино положат рядом, навсегда.

Она все шла. Ветер трепал волосы, чертополох царапал ей ноги, цеплялся за подол платья и тянул назад...

Вот тут, за кустарником, та скала, с которой сорвался пастух Гагна.

Нино протиснулась сквозь кустарник, вышла на край скалы и посмотрела вниз.

И все поплыло перед ней. В высоком ущелье покачнулись белые камни, покачнулись, закрутились. Казалось, сейчас они нависнут над головой. Под грудью что-то двинулось и затрепетало...

Нино вскрикнула и отшатнулась от бездны.

Нет, она не испугалась белых камней, лежавших внизу мраморным полом... Что-то другое толкнуло ее в грудь, заставило отшатнуться от бездны.

* * *

«Боюсь», — сказала Нино и умоляюще посмотрела на Тенго.

«Что случилось?»

«Положи руку вот сюда...» — смущенно сказала Нино... «Немного ниже...» — шепотом добавила она.

«Ничего не понимаю!» — засмеялся Тенго.

«Ты глупый мальчик... Не понял? Там что-то зашевелилось».

«Мой сын!» — закричал Тенго, обнял Нино, прижал к груди. — «Мой сын!»

* * *

Нино со страхом отвела глаза от обрыва и вернулась назад... В ее теле трепетала жизнь, трепетала, звала, тянула назад.

«Сын Тенго...»

Сын Тенго хотел жить.

Нино плакала. Нет, нет, она не вправе даже думать о смерти. Ведь она — мать, она — жена Тенго. Вдова Тенго. С этого дня она будет жить для сына. Она вырастит сына Тенго.

Но как?

Кому доверить эту тайну? Кто поймет ее, кто поможет?..

Нино не могла думать ни о чем. Она шла к кладбищу. Там все еще лежал ее Тенго, и на груди его виселся тяжелый камень.

В Е Ч Е Р

Георгий посмотрел на небо.

Солнце нагулялось за день и теперь, утомленное путешествием, медленно и неуверенно склонялось к западу. Оно уже не давало тепла, но теплом и светом его были пропитаны земля и воздух. Солнце было в траве. Солнце было в листьях, солнце было в склонивших голову деревьях.

Выступ скалы разрушен и выровнен. Край дороги поддерживает старая стена, та самая, где Георгий обнаружил винный кувшин и серебряные деньги. Старый кувшин

по-прежнему стоит на могиле Шавдатуа. Деньги валялись там же. Но сейчас Георгий не помнил ни о Шавдатуа, ни о своей находке.

В руках не было силы. Даже после отдыха силы не возвращались.

Вдруг он вспомнил о вине. Подошел к кусту, с трудом нагнулся и поднял кувшин.

В кувшин тоже проникло солнце и нагрело его. Кисловатое на вкус, оно все же освежало.

«Там еще есть два-три глотка. Жив буду, допью за ужином», — подумал Георгий и поставил кув-

шин в кусты. Взялся за лом и вышел на дорогу.

Он еще не дошел до глыбы, когда заметил на дороге кучу навоза, в которой копошились навозные жуки. Они катили свои тяжелые, величиной с орех, шарики; они работали тяжело и упорно, как маленькие буйволы.

Георгий сказал им приветливо:

— Ну-ка, друзья, скорее убирайте ваше добро и смотрите, как покатится в ущелье проклятая глыба!

«Однако вино делает свое дело», — подумал он.

Глыба тяжело и незыблемо лежала в начале дороги...

Много лет прошло с тех пор. На глыбе не осталось и следов того, что ее сдвигали с места.

Прижилась глыба, зеленая травка опутала ее со всех сторон, подкрался мох... Камень прирос к месту, как будто здесь и родился, как будто никто его и не трогал.

Неужели с тех пор никто не испытал свою силу? Сколько поколений выросло с тех пор, сколько полных сил и здоровья юношей прошло мимо этого камня... Неужели ни у кого больше не появилось желания сразиться с глыбой?

Нет, молодые сильны и отважны. Осторожность старших кажется им слабостью. Они, молодые, другими глазами смотрят на жизнь, как смотрели и старики, когда были молоды. Отважные, они не боятся играть с огнем. Кто не дерзает, тот никогда не станет героем... Придет новый смельчак и станет состязаться с Тенго, как тот состязался с Хизамбарели...

* * *

Георгий просунул острый конец лома между глыбой и краем земли и нажал. Лом вошел в землю.

Он поднял лом, одной рукой пошарил позади себя, нашел плоский камень и поставил под лом. Нажал еще. Плоский камень вошел в землю. Глыба не шевельнулась.

Тогда он закатил между плоским камнем и глыбой еще один камень, большой и круглый. Нажал изо всех сил. Глыба чуть приподнялась.

«Как же он поднял его, черт возьми... Какая сила могла это выдержать?»

Он подкладывал все новые камни, наваливался на рычаг всею силой, всею тяжестью, всем своим существом.

Глыба приподнялась. Теперь была видна находящаяся под камнем утрамбованная земля.

Под глыбой была целая жизнь, до сих пор тихая и безмятежная... Под солнечным лучом в ужасе забегали красноватые муравьи, таская за собой маленькие белые куколки; они вползали на ноги старику и бежали... Куда?

Под глыбой росла дикая трава. Расплющенные тяжестью камня тоненькие желтовато-белые листья и чахлые, выросшие без солнца стебли безжизненно распластались по сырой земле. Георгий увидел корни, выросшие под камнем. Они тоже росли без солнца. И все же сила солнца сказывалась на этих корнях. Наверно, сама земля отдавала им часть солнца, как своим детям. Им и не нужно было больше солнца — они увяли бы и стали похожи на эти пожелтевшие листья... Выросшие во мраке, корни выглядели сильными и здоровыми. Листья же, не прорвавшись к солнцу, расплющились, как слабые руки недоношенного младенца.

Эта выросшая без солнца трава напомнила Георгию сына.

«Как эта трава, погиб он... И не дал ему камень увидеть ни неба, ни солнца...

А эти сильные корни — дети земли, им не нужно ни неба, ни солнечного света... На меня похожи — как я, выдержали, выжили под этим камнем».

Вставшую на дыбы глыбу достаточно было толкнуть рукой, чтобы она скатилась в ущелье. Георгий взялся уже, но ведь рядом, как

всегда, стоял Авгеоргий, стоял, за-слонив глаза рукой, с насмешливо сжатыми губами. И Георгий сердито закричал:

— Отойди!.. Как поверит пришедший сюда человек в силу Тенго и его мужество, если не увидит рядом эту глыбу! Я должен скатить ее к могиле Тенго... Эта глыба — памятник моему сыну!

Глыба перевернулась, краем задела старика, потом налетела на куст терновника, поломала ветки, смяла его и там же, возле могилы Тенго, остановилась... У Георгия потемнело в глазах. Шатаясь, пробежал он несколько шагов по спуску и упал на колени перед камнем... Он чувствовал сильную боль, словно что-то оборвалось внутри, оборвалось и затихло...

Возле смятого куста валялись черепки от кувшина... У горлышка лежала кукурузная кочерыжка. Там же, в ямке буйволиного следа, стояла красная лужица разлитого вина.

Смеркалось...

«...Не будете ли вы свободны вечером? С мальчиком хочу вас познакомиться...» — услышал Георгий слова Нино. Георгий бессильно поднял голову... Нет, вокруг никого не было видно. Эти слова он слышал раньше, утром.

Когда она говорила, голос ее дрожал, усталые глаза глядели в землю.

Отчего дрогнул ее голос, почему она не посмотрела ему прямо в глаза?

Зачем понадобился вечер для знакомства с мальчиком? Вышла бы в рощицу, подала бы голос, вернула его и сказала: «Познакомься, дядя Георгий, это мой сын».

Но нет, Нино почему-то не поступила так. Почему-то опустила голову и сказала дрожащим шепотом: «С мальчиком хочу вас познакомиться...» Да, да, именно так и сказала. Почему?

Может, это была простая застенчивость и больше ничего?

Да, конечно: шла женщина своим путем, вдруг встретила того, кто должен был стать ее свекром, встретила на дороге между изгородями, не смогла обойти, растерялась и ничего другого не сумела придумать. Должна же была она что-нибудь сказать? Вот и сказала.

Но если все так просто, то почему же у самого Георгия задрожали колени, почему он стоял безмолвный, не в силах произнести ни слова?

Не говоря уже о том, что этот парень так похож на Тенго. И потом — почему он насвистывал песенку Тенго?

Если он чужой, не стала бы Нино учить его песенке Тенго.

Господи, может быть...

Может быть, не погиб корень моего рода!

Нино...

Иди, иди, женщина, вместе покличем Тенго! Скажем ему о сыне!

Георгий посмотрел в сторону могилы, потом перевел взор на раскинувшуюся по склону деревню.

И тут же сомнение заледенило его кровь.

Горе тебе, Георгий, человек похож на человека и песня на песню, разве это доказательство! Разве стала бы женщина хранить такую тайну до сих пор?

Стала бы хранить или не стала?

Затуманенный разум не мог уже связать между собой слова, сказанные ранее. Он уже не помнил смысла слов и мучительно спрашивал себя:

Что? Что хранила? Кто хранил?

Что она должна была хранить, что?.. Кого?

Кого?..

Наконец он кое-как нашел утерянную нить, к словам возвращался смысл, разум на мгновение светлел и начинал бить набатом:

Нино...

Нино...

Нино сохранила бы тайну.

Сохранила бы, сохранила бы...

Сохранила бы, сохранила бы, сохранила бы тайну... Как раз такую тайну сохранила бы!

Хвала тебе, Нино, молодец, что сохранила мне внука!

Придет вечер, придет Нино, приведет парня, станет перед Георгием, опустит голову и дрожащим голосом скажет:

— Вот, дядя Георгий, привела я сына твоего сына!

Георгий упадет к ее коленям, потом приведет ее к могиле Тенго и скажет:

— Крикни ему, девочка, крикни!

Снизу послышался шум. Кто-то шел вверх быстрым и сильным шагом.

Нет, это не был шаг Авгеоргия. Авгеоргий ходил тихо, крадучись. Его шагов уже долго не было слышно. Наверно, сидел себе где-то в кустарнике. Нет, это не его шаги.

Георгий поглядел вниз и окаменел. Наверх шел юноша.

Георгий встал, но не мог удержаться, бессильно упал рядом с глыбой.

Перед ним стоял Тенго.

Георгий прислонился к глыбе, прошептал:

— Сынок...

Садилось солнце.

В желтоватых сумерках слабо виднелось бледное лицо юноши, испуганные, чуть приоткрытые губы, удивленные большие глаза.

— Сынок, — повторил шепотом Георгий, но юноша не двинулся с места. — Сынок, измучил я тебя, погубил...

Большие глаза по-прежнему удивленно мерцали, испуганные, чуть приоткрытые губы не дрогнули, но до уха Георгия все же донесся знакомый спокойный голос. Нет, стоявший перед ним юноша безмолвствовал, слова эти произнес за него сам Георгий:

— Отец... ладно, хватит... отдохни...

У Георгия сжалось сердце, к глазам подступили слезы.

Он хотел прикрыть глаза рукой, но обессиленная рука упала на грудь.

* * *

Опять появился Авгеоргий. Несмело приблизился он к упавшему.

— Это ты? — спросил Георгий.

— Да.

— Подойди поближе... Ты видел?

— Даже слышал... Мальчик простил нас...

И тут Авгеоргий заплакал. Слезы лишили его голоса.

— Иди, иди, я вытру тебе слезы, несчастный... Наконец в твоих глазах я увидел добрую слезу, теперь мне ничего не страшно... Слезы очистили твои высокомерные глаза, твое гордое сердце. Иди, ложись здесь. Рядом со мной. Дай, обниму тебя. Навсегда...

Еще раз открыл Георгий глаза и увидел севший на гору диск солнца.

Диск солнца, освобожденный от лучей, отбрасывал вверх слабый, белесый свет. Осторожно, на цыпочках подходил полумрак. Даже мельчайшие камни отбрасывали теперь длинные тени. Солнце заходило, сейчас уже можно было смотреть на него.

Георгий посмотрел прямо в глаза солнцу. Посмотрел смело, с вызовом, с насмешкой.

У солнца уже не было силы. Не нужно было смотреть на него украдкой. Солнце уже не резало глаз. Да, теперь оно не могло бы ослепить человека, чьи глаза подернулись непроницаемым мраком.

Кончался день. Садилось солнце.

Юноша отвел глаза от прислонившегося к камню старика, повернулся и бросился вниз по дороге. Ему впервые пришлось увидеть бой между жизнью и смертью. Впервые увидел он глаза умирающего.

Ах, почему до сих пор не открыла ему мама свою тайну, почему не сказала, что этот странный старик — его дед, почему не сказала, что на этом маленьком кладбище лежит его отец?..

* * *

Вверх быстрым шагом шла женщина в черном. Увидев сына, оста-

новилась. У юноши было бледное лицо, волосы на лбу растрепались. Он протянул матери руку:

— Уже поздно... Пойдем, скажем в деревне.

— Я еще утром заметила, что не жилец он на этом свете, — тихо сказала Нино. — Опоздали мы с тобой... — Она посмотрела на юношу, потом повернулась к Дзлевис Кеди и добавила шепотом: — Что делать, Георгий, опоздала я, не смогла себя преодолеть, до сих пор не смела привести мальчика...

* * *

Наступила ночь, но на вершине Дзлевис Кеди по-прежнему горело солнце заката, солнце мертвых.

Перед наступлением темноты оно,

это солнце, на несколько мгновений освещает горные вершины, чтобы тут же исчезнуть.

Солнце мертвых...

Поразительно это последнее сияние уже зашедшего, скрытого за краем мира солнца. Непонятное и печальное, как исповедь умирающего... Поразительно и его название.

Солнце мертвых...

Один шубатский старик объяснил мне, что солнце мертвых светит для тех, кто умирает достойно. Некоторые думают, что оно, это усталое солнце, поднимается и светит для всех умерших. На самом же деле, объяснил старик, в том мире, как и в нашем, есть свои законы, и тамошнее солнце тоже светит не для всех.

Ладо Сулаберидзе

О т е ц

ПОЭМА

Перевод с грузинского В. Соколова

1

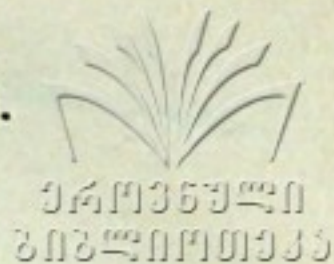
Зима в горах — недолгий постоялец.
Тем краше эта белая пора...
Снег начал падать с сумерек вчера
И на холмах лежит уже на палец.
А все кружится, все витает снег.
В садах висит на ветках, на подпорах.
Вон по дороге белой на пригорок
Весь опушенный белым человек
Взошел, идет, спешит по первопутку...
У ног играет легкая метель...
На человеке серая шинель.
Вот замер он, прислушиваясь чутко,
Оглядываясь пристально окрест:
Белым бело... Село еще пустынно...
Вон дом его (ведь он из этих мест),
Над белой крышей синий дым камина.

Проснись скорее, мать! Скорей из дому
Шагни навстречу сыну своему.
Он стосковался по теплу родному,
По твоему; ты, мама, — по нему.
Волнуясь, он подходит...
Хлопьев сети
Плывут, в глазах туманятся его...

— О, я готова все отдать, соседи,
Благословите сына моего!
Проснитесь, пусть у всех, кто скорбью полон
По сыновьям, — свершатся также сны.

Пусть к матерям вернуться их сыны,
Пусть все придут обратно, как пришел он.
Пусть надвое расколотое болью
Срастется сердце. Пусть за песню песнь
Бушует в доме счастьем и любовью...
Слух по селу пронесся: Гела—здесь!

2

Все обнимают юношу, поближе
Спешат подсесть... А он ведет рассказ...
— Родные скалы, ели, я вас вижу
Вблизи, а раньше — в мыслях видел вас...

Мне не встречались наши Наконец
Я встретил Джаба. Вспомнили мы с ним
И виноградник наш, и наше детство...
В отряде был он воином лихим.
С одним цыганом был он много ближе,
Чем с остальными. «Черного орла»
Я и сейчас вот очень ясно вижу.
Был скор, как птица, крепок, как скала,
Всегда вдвоем. И в битве, и в походе.

Тут Бега, сидя на своей колоде,
Усы поправил, жадно дым глотнул,
Судьбой довольный, радостно вздохнул,
На лбу Нугеши резкая морщинка
Разгладилась... И поглядев в камин,
Как в зеркало, поправила косынку
Она, невеста... «Знала б мать, что сын,
Такой герой — смогла б дожидаться Джаба,
Осилила бы хворь, не умерла бы..»
— Твой сын герой, батоно, право слово!
— Ох, если б каждый вырастил такого!

Но Гела потемнел, уставясь в угол.
Потом подбросил веток в жаркий уголь.
Заметила Нугеша, что угрюмым
Внезапно Гела стал, она — к нему:
— Что ж замолчал? Скажи, о чем подумал
И помрачнел, как туча, почему?

— Мне тяжело. Но, если я смогу,
То все скажу... И ничего не скрою.
Мы дали жару нашему врагу.
Поля, луга его залили кровью.
И шли за ним в погоню. Как-то раз
Из дубняка дремучего, глухого
Мы вышли к двум холмам. Вот там-то нас
Враг задержал — но после боя злого.
Я навсегда запомню эту ночь.
На небесах мерцали звезды слабо,

Порой стрелял, не отходивший прочь
Фашист... Тогда ко мне явился Джаба.
Сказал он: «Гела, помни обо мне.
Приветы передай моей родне,
Коль оборвут негаданно мой век
Фашисты пулей злобною и меткой».
И он исчез... Под утро выпал снег...
Подумал я: мой друг ушел с разведкой.
Но утром... Если б это позабыть!
О, почему он дал себя сгубить!
Пронесся слух: нигде не видно Джаба,
Пропал цыган, его всегдашний друг.
Пусть не живыми, мертвыми хотя бы —
Нет, не нашли мы их. Пронесся слух:
«Должно быть, ночью перешли к злодеям!
Изменники!» На следующий день
Осколком раздробило мне голень,
И я уехал... Как же был содеян
Такой поступок сыном этих гор!
Зачем он слал, измену замышляя,
Привет домашним? Кулаки сжимая,
Бойцы кляли его, как наш позор.
И о дружке его не забывая,
Родившим их бросали свой укор.

—О сын!—вскричал тотчас же старец древний.
—О сын! — и со слезами на глазах
Вон бросился... Нугеша вся в слезах
Пошла за ним молчащею деревней.
—Мой сын!..—Идет, шатаясь, ветхий Бега.—
В чем провинился я перед тобой?
...Летят на плечи старца хлопья снега...
—Я так гордился сыном и судьбой,
Но если ты такое зло содеял,
Зачем же я растил тебя, лелеял?
—О сын!—стенает Бега.— Почему?

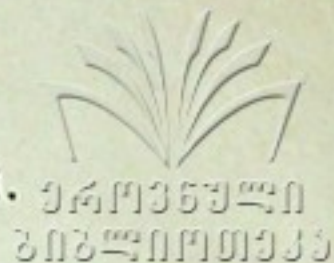
С презреньем горы на него взирают,
Идет он — люди двери запирают,
Стыдясь его. Так кажется ему.

3

Дверь отворил. Вошел угрюмо, шатко.
Увидел: снимок сына на стене,
Висит берданка слева, справа — шапка.
...В той шапке краше многих на селе
Был сын... Оленей многих — было дело —
Он из того ружья успел убить.
Отец учил его стрелять умело
И шапку с честью, по-мужски, носить.

Увы, не впрок учил. Невыносимо
Глядеть на шапку эту, на ружье.

К чему я сам Отчизне, если сына
Не смог взрастить, как надо, для нее?
Что делать мне с тобой теперь? Ты сын мой.
Но и Отчизне милой сыном будь!
Как быть, коль ночью летней или зимней
Вдруг приведет тебя ко мне твой путь?
Зачем же землю эту, небо это,
Безбожник, бросил ты и посрамил
Мое отцовство? Мне прощенья нету
Перед потомством. Горько жду ответа:
Кем стал теперь ты, парень? Кем ты был?
Как ты невинно смотришь! Неужели
Не знаешь, что приблизил мой конец?
Зачем ты встал из детской колыбели
И почему, мой сын, я — твой отец?!

Он шапку снял, разбил приклад берданки,
Портрет сорвал. Подумал: все сожгу!
Но, боже мой... Как горькие останки
Былых надежд они... «Нет, не смогу...»
И верно, как расстаться вдруг с надеждой,
С мечтой, которой жил и дорожил?
И он в сундук, что с жениной одеждой
Стоял в углу, все горестно сложил.

4

Меж изгородями прошелестела
Нугеши стройной легонькая шаль.
Капель запела (вьюга отсвистела!),
Заголубела тающая даль.
Зигзагами на снежном солнцепеке
Аробные чернеют колени...
Вдруг перед ней — аробщик одинокий.
Она шаги ускорила свои.
Осмелилась: — Одну минутку, Гела!
Скажи мне правду, Гела! Не губи
Семьи хорошей... Юность пролетела.
Была ль виновна я в твоей любви?
Ведь сам ты знаешь: сердце неделимо.
Я полюбила Джаба до тебя,
И до тебя была я им любима.
Не мог любви он изменить, любя!
Да и меня никто и ни насколько
Уж не изменит! Может, умер он?
Скажи, и я его оплачу горько,
Как, может быть, не худшая из жен...
— Меня, Нугеша, ни любовь, ни зависть,
Ни злость не мучат более. Прошла
Пора, когда я сна не знал, терзаясь.
Я ничего не выдумал со зла.
Я столько раз решал: ее забуду!
Но нет! Порой себя не победишь.
Любил тебя, любить до гроба буду...
А ты так подозрительно глядишь.

Прожгла слеза девичья корку снега
 И до земли достала... В этот миг
 Через плетень шагнул с обидой Бега,
 Нугешу с Гела видевший старик.
 Идет он к лесу, вверх...А в сердце дрожь
 Сомненья, сердцу горестно и стыдно...
 Ну хорошо, нарубит Бега дров.
 А для чего? А для кого? Обидно.
 А девушка несчастна! Каково
 Ждать жениха, покрытого позором?
 А ведь ждала, и как ждала его!
 Четвертый год идет... Забудет скоро.

—Нугеша, мы обидели тебя.
 Забуди его! Забвение законно...
 —Молчи, отец. Не говори, батоно .
 Не думай, что оставлю тебя я.
 Не говори, не унижай его.
 Ужель из-за догадки, из-за слова
 Я соглашусь со смертью одного,
 Согласьем тем обрадовав другого?
 Не унижай... Он чист в моей груди.
 Вдруг — «Хау! хау!» — раздаются крики.
 Наверно, — «Хау!» — снова на село
 Напал с пустого неба коршун дикий,
 Кривые когти, черное крыло.
 Глядит он злобно рыжими зрачками,
 Высматривая кур издалека.
 Его пугают женщины платками.
 А он уже над крышей старика.
 Нугешин голос воздух рассекает!
 «Эй, хау, хау!..» Прочь от кровли той
 Недоля злая... Коршун улетает.
 Опять полна деревня тишиной.

Из-под земли взошла, слетела с неба
 И изменила все вокруг весна.
 Глядит подснежник, но не из-под снега,
 А из травы, что снова зелена.
 Лишь кое-где ледок. Снега с разбега
 Скатились вниз, в ущелье, их уж нет.
 Такой весны давно не видел Бега,
 А прожил Бега семьдесят лет.
 Он был весне всегда хорошим другом.
 Шел за арбой в предутренний туман...
 В полях крестьяне режут землю плугом,
 Лишь дети и хозяйки — по домам.
 А ты? Ужель не нужен ты колхозу?

Но не слышны в полях твои шаги.
Никто ведь лучше не подвяжет лозы.
Никто. Пойди же, юным помоги.
Возьми лопату. Глянь, уже местами
На виноград полезли сорняки.
...Поднялся в гору. Ноги не устали.
Обвил туманцем ветер лоз рожки.

7

Он входит в виноградник. Неспокоен.
Вошел — и травы ноги оплели.
Взмахнул лопатой, срезал их под корень.
Как сладок запах вскопанной земли.
«Чего же мне еще желать на свете!
Вы, лозы, не измените мне, нет».
Вдруг ветер из-за гор, веселый ветер,
Пугнул туманы, им погнался вслед.
И словно мстя кому-то, обозленно
Срезает Бега корни сорняков.
Кочуют куры по земле взрыхленной,
Выклевывая жадно червяков.
...Идет бригада Гела. Их по шапкам
Любой узнает. С песней на устах
Они идут еще военным шагом.
Вон тот — в обмотках, этот — в сапогах.
Бойцы... бойцы... Блестят, горят лопаты.
А песня громче всех ручьев весны.
Идут отвоевавшие солдаты,
Идут отвоевавшие сыны.

Заслышал песню Бега. Вздогнул слабо.
Лопату опустил. Застыл, смущен.
И показалось, что шагает Джаба,
Что «криманчули»¹ Джаба слышит он.
Что песне Джаба эхо отвечает,
Что сын идет походкою бойца,
А старики его благословляют
И поздравляют гордого отца.

Уходит Бега полдничать. Работа
Не так легка — на лбу росинки пота,
В ушах стоит какой-то шум и звон.
«День добрый, Бега!» — повстречался кто-то.
Но не заметил, не ответил он.
Вошел во двор, все оглядел... Под дубом
Прилег он — головой на корне грубом.

8

Меж изгородей летом, а не шагом
Торопится Нугеша, весела.
В одной руке косынка вьется флагом,

¹ Способ пения с переливами.

В другой — письмо... Легка летит, светла...
Бежит Нугеша, сердце унимает,
Письмо к груди стучащей прижимает:
«Прости, отец, что до сих пор тебе
Я не писал. Судьба меня водила
Опасными путями... Это было
В дни наступленья, в жгучем декабре.
Мы шли врагу бегущему вослед.
Но он остановил нас. Мой привет
Вам передал, наверно, Гела? Право,
Сказать о большем не имел я права.
Мне был приказ тогда особый дан.
Я действовал в отряде партизан,
В тылу врага. Я жив, мой старый баба¹.
Вслед за письмом приеду.
Сын твой Джаба».
Меж изгородей, как фазан, Нугеша
Летит... Ах, как бывает нелегка
Большая радость! Тише, сердце. Где же
Отец? Нугеша будит старика.
— Вставай скорее, батюшка, порадуй
Себя известьем радостным! Очнись!
Сегодня снова прежние наряды
Одену я! Да что же ты? Проснись...
Как холодна рука твоя, отец...
Да ты совсем недвижим, как... мертвец.
Да ты уже не дышишь! О, проклятье
Судьбе злосчастной! Ты в последнем сне...
Не в подвенечном мне, а в черном платье
Ходить сегодня... Горе, горе мне!...
О помогите, люди! — Все село
Сбежалось, криком горестным влекомо,
Лежит старик под дубом возле дома,
Нугеша плачет на груди его.
Письмо в слезах. Не в силах головы
Поднять Нугеша... Вся деревня в сборе...
Как уместились в малом сердце вы,
Большая радость и большое горе?

9

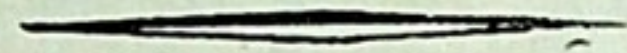
Идет за гробом, голову склоня,
Нугеша... Горек запах трав и снега...
Идут, рыдая, близкие, родня.
Идут, несут к могиле тело Бега.

Перелетает коршун через гору,
Перелетает коршун тяжело.
Уж снизу заметили его
Два путника, шагающих в село.
Навстречу им, отдавшиися горю,
Идут сельчане, плачут возле гроба...

Застыли путники — в шинелях оба.

¹ Баба — отец.

Один шагнул вперед, широкоплечий.
Щебенка, брызнув из-под каблука,
В траву с тропы метнулась. Этой встречей
Взволнован он. Уже недалеко
Процессия... Он, вглядываясь жадно
Идущим в лица, замер на одну
Минуту... И в гробу с тоскою Джаба
Отцовскую увидел седину.
Идет невеста об руку с родными,
Чернейшей скорбью сердце залито.
Стоит, молчит солдат и сын. Доныне
Его не видел плачущим никто.
Но так на долгожданной той тропинке
Обдало сердце пламенем беды,
Что по щеке скатились две слезинки
На грудь его, на золото звезды.
И вспыхнула звезда. И негодую
На смерть, до срока взявшую отца,
Как изваянье, сын застыл, тоскуя.
И заходило солнце, золотую
Звезду целуя на груди бойца.

Вадим Михайлов

Ушба

РАССКАЗ

Их четверо. Они лежат в спаль-ных мешках и слушают, как стучит ледяная крупа по крыше палатки. Они пришли сюда, чтобы пройти через Ушбу. Пять дней непогода держит их на Мазерской зазубрине¹.

Им запомнился день выхода: широкая тропа, ишаки, нагруженные рюкзаками, худые плечи мальчишки-погонщика... Последняя сванская башня шагнула им наперерез, и косая тень разрежала воздух. Они прошли эту тень, сопровождаемые неистовым собачьим лаем. И снова лес, и влажные листья снова ложатся на глаза, не давая взглянуть на Ушбу.

Когда позади остались и дорога, и лес, и запахи жилья, когда на зеленых склонах показались пятна прошлогоднего снега, и стадо красных коров проводило их долгим взглядом, а солнце было в зените, и впереди сверкал сплошной снег, они разгрузили ишаков, и мальчишка-погонщик, смущенно улыбаясь, долго махал им вслед рукой. Каждый раз, когда они оглядывались, он становился все меньше и меньше и наконец совсем исчез.

Потом был Гульский ледник и кто-то из них прочел:

...Сердце твое ледником Гули
Затеряно где-то в Сванетии...

На следующий день они достигли высоты четыре тысячи метров, но подул юго-западный ветер, и вот уже пятые сутки непогода держит их на Мазерской зазубрине. Конечно, можно спуститься по грохочущему лавинами кулуару назад, на Гульский ледник, но они избегали говорить об этом. И думать тоже.

Ушба была мечтой юности. Давно, еще до университета, знали они наизусть описание знаменитого траверса. Красный Угол... Северо-западная стена... Перемычка... Скалы Настенко... Подушка¹... Эти слова вызывали в сознании отвесные, запыленные снегом скалы, обрывки обледенелой веревки, непрекращающиеся вскрики забиваемых крючьев, и легендарные имена: Коккин, Шульц, Алеша Джапаридзе²... Много лет назад, постигая мудрость альпинистских узлов, смазывая на зиму тяжелые, окованные трико-нями ботинки старших товарищей, они привыкли думать об Ушбе.

¹ Ориентир при восхождении на Ушбу.

¹ Ориентиры при восхождении на Ушбу.
² Первовосходители Ушбы.

— Сколько можно ждачь?! — говорит Глеб, приподнимаясь. — Нужно идти. — Его зеленоватые глаза ищут сочувствия, красный, похожий на морковку нос возмущенно торчит на загорелом лице. И даже рыжие примятые вихры выражают возмущение. Трое молчат.

Где-то прогрохотал обвал.

— Нужно идти, — бормочет Глеб в полусне. Сквозь дремоту до него доносится уютное гудение примуса и обрывки фраз.

Глеб открывает глаза. Темури, скорчившись, сидит на спальном мешке. Он только что кончил штопать шерстяной носок и теперь улыбается, щуря свои узкие глазки.

— Ветер какой! Теперь наверняка погода улучшится, — говорит он.

Отар поднимает голову от примуса, прицеливается в Темури своим крупным носом.

— Ветер? — переспрашивает он с едва уловимой насмешливостью. — Четыре дня ветер. А что толку?!

Фасо только вскидывает на них глаза и снова записывает что-то в блокнот. Глаза его под лохматыми выступами надбровных дуг — спокойные, каштановые. Он самый молчаливый, и эти трое любят его за молчаливость и спокойствие.

— Собачий холод, — говорит Отар. — Глеб, куда запропастилась твоя щетка? Я не могу ходить целый день непричесанным. — Его руки шарят под спальным мешком, ощупывают карманы палатки.

— Вот, бери, она больше не моя.

— Может быть, ты подарил ее мне?

— Нет, я тебе расскажу одну историю.

— В который раз?

— Это новая.

— Я перестал верить в новые истории.

— Это совсем новая... О нейлоновой щеточке для волос. Только не смейтесь. Хотя, черт с вами, посмеемся вместе.

...Это было неделю тому назад. Я лежал на лугу неподалеку от Ших-

ры. Рядом со мной улетал в небо цветок клевера. Над ним висела пчела. Цветок вздрагивал и покачивал пушистой головой. А за ними, за горячим приливом трав и цветов, ослепительно белела запрокинутая голова Ушбы. Я долго смотрел на нее, и от пчелы и цветка остались темные контуры...

«Я иду на Ушбу! Я иду на Ушбу!» — радостно пело сердце. Я мечтал о ней десять лет. Наконец. Наконец. Белое пятно станет глетчером, черная точка — скалой. Раздвинутся горизонты. Я увижу Эльбрус и Черное море, ущелья Кабарды и синие хребты Армянского нагорья.

Послышался легкий шорох и там, где только что белела вершина, заблестели глаза девушки. Тотчас же светлый сарафан закрыл от меня полнеба, ко мне протянулись смуглые девичьи руки, на солнце сверкнуло что-то... Меня ослепил поток ледяной воды. Девушка прыснула и убежала.

Потом она подарила мне свою сережку, а я ей вот эту нейлоновую щеточку. Только она сказала: «Нет, сначала ты пронеси ее через Ушбу, а я буду ждать». Вот и все...

— Бедный Глебушка, это тебе приснилось, — ласково сказал Отар.

— Это продолжение сказки о Беткиле, — догадался Темури.

А Фасо только презрительно хмыкнул.

— Нет, друзья, — вздохнул Глеб, — это сущая правда, хотя и мне иногда думается, не сон ли. Помните, третьего я пропадал целый день? Вот тогда-то... Она учится в медицинском. Мечтает, чтобы какой-то там ее Шота стал альпинистом и пошел на Ушбу, а он поднимает тяжести и передвигается по вертикали только на лифте. Видите, это совсем не похоже на сказку.

— Так значит, она ждет нас? — нерешительно спросил Темури.

Глеб кивнул:

— Конечно.

— Не зная даже, кто мы?

— Она видела, когда мы проезжали мимо ее дома.

— Как ее зовут?

— Айя.

— Странное имя.

Потом в палатку пришел сон.

На следующий день они вышли. Перемежающийся туман менял облик вершины. Сталь ледоруба прожигала холодом шерстяные перчатки и брезентовые рукавицы. Почти вслепую они перешли Снежный Галстук и начали подъем к Красному Углу.

Темури шел впереди, вырубая ступеньки. Вокруг только туман. Товарищей не видно. Фыркая, проносятся невидимые камни и куски льда. Шуршат небольшие лавины.

Темури стоял на крутом льду. В какую-то долю секунды он почувствовал, что он один в этом белом мире. Рука невольно потянулась к веревке. Веревка уходит в туман, в бесконечность. Но там, за бесконечностью — люди, которым можно верить. Веревка соединила четыре воли в одну. Четыре сердца заставляет она биться в такт. Веревка превращает их в четырехглавого дэва, которому под силу поединок с Ушбой. Одна вершина зовет их в заоблачные дали. Одна девушка ждет их внизу. Темури осторожно полез вверх. Веревка тащилась за ним, оставляя перекрещивающиеся полосы на снежных пятнах.

Они заночевали под скалами Красного Угла. Мокрые спальные мешки не грели. Отар вскипятил немного воды. Темури разделил последний сухарь. Отара заставили отвернуться и он отвечал на вопрос: кому? Они съели сухарь и запили его горячей водой. Тепло медленно пропитывало тела. Отар опять улыбался и рассказывал анекдоты. Глеб, которого сегодня положили в середину, молча смотрел в потолок. Фасо продолжал свои записи.

— Завтра будет хорошая погода, — сказал Темури, возвращаясь в палатку. — Видны огни селения.

Глеб вылез из мешка и протиснулся к выходу. Лицо обдало холодом.

Снег возле палатки светился, словно неоновая реклама. Далеко внизу светились огоньки селений: Бено, Ушханари, Мазери... Где же ее огонек? Должно быть, вон тот, крайний...

— Жаль, бензин кончился, а то зажгли бы, — сказал Отар.

— Все же, что она за девушка? — вполголоса спросил Темури.

Глеб улыбнулся и пожал плечами.

— Вы боитесь умереть? — спросил он, когда они снова легли рядом.

Отар сделал удивленное лицо.

— Я никогда не думаю об этом.

— Для меня — один черт... Что такое сама по себе жизнь какого-то Глеба? Главное — для чего живешь...

— Это абсурд, — возмутился Отар. — Жить приятно — вот единственно возможный ответ на вопрос: для чего? Заглядывать дальше не стоит.

— Ему нужно влюбиться, — сказал Темури, кивнув в сторону Глеба.

— Ты устал, Глеб, — сказал Фасо, откладывая блокнот.

— Хороши, нечего сказать! — возмутился Глеб. — По-вашему, не нашел себя! — ищи человека, который выдумает тебя, а ты поверишь?! Не нашел своего места в жизни — радуйся жене, квартире, очередному ребенку?! Так недолго превратиться в обывателя, труса, дрожащего над своим маленьким счастьем.

— А ты и так трус, — сказал Фасо. — Слишком легко быть смелым, когда нечем дорожить.

— Конечно! — обрадовался Темури.

Отар промолчал.

Они почувствовали отчужденность, но холод заставил их теснее прижаться друг к другу.

Черный массив Ушбы и лиловый — неба столкнулись и застыли в страшном напряжении. Это напряжение отразила в себе ломаная линия горизонта. На одном из углов ее выступила золотая капля.

Все ярче разгоралась она, росла. И вот уже не капля, а солнце скользит по синему отвесу.

Темури первый стряхнул оцепенение.

— Ну что ж, пошли, — сказал он.

Так началась схватка с Ушбой. Истомленные долгим бездействием, они шли к вершине. Срывались, висли на веревках, снова лезли. А скалы делались все круче. И не было им конца. Будто кто-то, озорничая, приподнимал их с другой стороны.

Позади гремели обвалы, летели камни. И пройденные стены казались непроходимее тех, что маячили впереди. Ушба отрезала пути к отступлению.

...Уже много часов, обессиленные, они вырывали у Ушбы метр за метром. Реальный мир ограничивался для них неширокой полосой, уходящей к вершине. За ее пределами лежал выдуманный, нереальный, недоступный им мир. Сизые, сиреневые, оранжевые тона, уравновешенные белизной снега, постоянно изменяли лицо этого мира. Четверо шли к вершине. Они цеплялись за скалы, а скалы отбрасывали их, разжимали судорожно сведенные пальцы. Впереди лежала извилистая, единственно реальная дорога. Она не лежала, она дыбилась и пролегала по Ушбе, словно одна из линий предостерегающе поднятой ладони.

Четверо медленно двигались к вершине. Мучила жажда. Кончился бензин, и они не могли добыть воды. Минуты душевного подъема сменялись часами слабости. Тревоги и обиды переполняли сердце. Но четверо знали — спасение каждого — в остальных трех, и старались не обронить обидного слова. Они молчали.

...Третий час Отар не мог сдвинуться с места. Теперь он отдыхал, доверившись крюку. Над его головой нависла скала, которую нужно пройти. Несколько ржавых крючьев торчит в ее теле. Вряд ли они при-

годятся. Но с ними веселее. Отар улыбнулся ровно настолько, насколько позволили ему потрескавшиеся губы: здесь прошли люди, эти крюки помогли им.

Минутная стрелка быстро движется по циферблату. Вот уже час прошел, а кажется — только минута. Может быть, отдохнуть еще немного, чтобы потом пройти наверняка? Во рту пересохло. Сколько времени он не пил воды? Быстрые струйки прыгают со скалы. Отар пытается схватить ртом хоть одну из них. Но струйки неуловимы, они постоянно меняют направление. Тогда он прижимается губами к трепещущей поверхности камня и пьет, пьет, закрыв глаза, чувствуя, как вода течет за пазуху, щекочет живот, ноги... Потом долго не может отдышаться. Смотрит на часы. Стрелки расплылись, и цифры тоже видны неясно. Ну да, конечно, в часы попала вода. А время бежит. Через полчаса солнце зайдет, и мокрая веревка станет хрупкой, как стекло...

На следующий день они не смогли выйти раньше двенадцати. Они сидели на скалах, как сонные осенние мухи, и вершина больше не волновала их. Любое движение вызывало головокружение и тошноту. После двух-трех пройденных метров им приходилось останавливаться, чтобы успокоить дыхание.

Они шли, проваливаясь по пояс в свежем снегу. Несколько десятков метров до предвершинного гребня показались им вечностью. Они достигли гребня и молча сидели на обломках скал.

Заход солнца застал их на Южной вершине. Громадная тень ее лежала равнобедренным треугольником на путанице возвышенностей и ущелий. Горы стали цвета медной окалины, а внизу набирал силу сумрак. Потом вершины поблекли, голубовато-серый снег пеплом лежал на них.

Четверо стояли на устремленном ввысь пальце великана. Их захватила открывшаяся картина.

Они узнавали хребты и вершины.

Они были горды, что смотрят на мир с Ушбы.

Они достигли неба...

Но звезды были так же далеко, а земля и люди казались недоступнее и желаннее звезд.

Потом снова была палатка и по пригоршне снега на ужин. И оплывшая свеча. Желтые блики скользили по неподвижным лицам.

— Когда вернемся, — сказал вдруг Отар, — соберемся в «Дарьяле». Позовем Омара, Агги, Джумбера, Жору. Закажем шашлык, салат, чижипижи... Теплый грузинский хлеб... Глеб, дорогой, — он повернул к Глебу худое, заросшее бородой лицо, — когда вернемся, поможешь мне написать письмо в Москву? Я никогда не посылал женщинам ничего, кроме телеграмм.

— Хорошо, — сказал Глеб, — когда вернемся... Фасо, о чем мечтаешь?

— Как ни странно, — вздохнул Фасо, — о тихом вечере дома. Я прихожу после работы, надеваю войлочные туфли, сажусь у телевизора. Отец просматривает газеты. Брат за моим письменным столом готовит уроки. Мама разогревает ужин... А ты, Глеб?

— Я думаю о той минуте, когда Айя выбежит нам навстречу из ворот своего дома...

— Это будет здорово, — согласился Темури.

— Здорово-то здорово, — усмехнулся Глеб, — но вы ведь ни разу не видели Айю и, пожалуй, примете за нее первую встречную девочку.

— Главное, что она ждет нас, а мы идем к ней, — сказал Темури так тихо, что никто не услышал.

Весь следующий день ушел на спуск с Южной вершины и преодоление перемычки. Северная Ушба стояла перед ними, пугая заснеженным скальным сбросом. Перемычка зазубренным лезвием встала на их пути... Потом была еще одна тревожная ночь. Утром они снова ле-

зли вверх. Наконец подъем кончился, и со всех сторон был только спуск. — они стояли на Северной вершине.

Неровная полоска перевала, зажатая между пиком Щуровского и Шхельдинской пилой, была далеко. Разница по высоте — тысяча пятьсот метров. Можно рассчитать, сколько потребуется времени, чтобы пролететь эти полторы тысячи метров по вертикали. Но кто знает, сколько еще придется ползти по сыпучим скалам, идти, прижимаясь щекой к серому льду, осторожно ступать по карнизам...

Усталость замедляла спуск. Только опыт и привычка заставляли их страховать друг друга. Они выбивали ступени в снегу, висели на скалах, спускались по веревке. Перевал приближался к ним. Воздух становился мягче. Все чаще думали они о девушке, которая ждет их.

...Она выходит из-за развалин сванской башни. Ее голубые удлинненные глаза смеются. Она с восторгом смотрит на Темури, который ведет группу. Ее руки цвета спелого абрикоса вытянуты вперед — она держит тарелку с горячими хачапури.

...Она бежит навстречу Отару. Она стала совсем черной от сванского солнца. Ее насмешливые карие глаза с интересом рассматривают Отара. В руках у нее узелок, в каких носят завтрак работающим в поле. Длинные стройные ноги легко несут ее по тропе. Отар извлекает из кармана штурмовки маленькую помятую шоколадку «Буратино»: «Вот, тебе, милая девочка, сестра наша»...

...Невысокая худенькая девушка выбегает из ворот сванского дома. Ветер обтягивает на ней выцветшее, почти белое платье. Ее круглые глаза кажутся еще темнее. Она прижимается к Глебу. Лямки тяжелого рюкзака мешают ему обнять ее. Рюкзак летит на траву...

Ночью, вконец обессиленные, они пришли на перевал.

Сняв кошки, трое пошли вниз, чтобы найти безветренное место для палатки. Глеб остался. Он никак не мог развязать замерзшие фитили кошек. Пальцы заоченели и не слушались. Фитили были словно из кварца.

— Они еще подумают, что я отлыниваю от работы, — со злостью сказал Глеб и вытащил нож. — К черту!

...Потом они лежали в спальнях мешках и вели неторопливые беседы.

— Мы все же молодцы, — сказал неожиданно Темури. — Ушба Ушбой. Я о другом. Ничто не смогло разъединить нас.

— Помешала веревка, — улыбнулся Глеб.

— Нет, здесь другое, — возразил Темури. — Мы не можем представить себя вне коллектива, один на один с природой. Мы сильны, только чувствуя локоть друга...

— А мне кажется, все дело в здоровых традициях, — сказал Фасо. — Еще Руставели...

Глеб не слушал его...

— ...Невесело быть женой альпиниста, — говорит он Аёе.

— А я хочу, чтобы Шота был альпинистом. Я всюду, всюду ездила бы за ним и ждала. И под Ушбой ждала бы...

— Твой Шота никогда не будет альпинистом, ему только поднимать тяжести и бороться, — сказал он.

Они поднялись к ней в комнату. На полу, широко раскинув лапы, лежала медвежья шкура. По стенам висели похожие на иконы портреты.

— Я очень люблю Ленинград, — сказала она, продолжая начатый разговор.

Ветер стучал деревянной ставней. Сквозь листья яблони просвечивали снега Южной башни.

— А Ушбу, — спросил он, — любишь?

— Ушба другое. Наше селение стоит здесь тысячи лет... И рядом всегда Ушба.

— Так ты придешь вечером? Девушка кивнула...

В палатке было жарко. От мокрой одежды шел пар. Четверо думали о долинах. Но когда они закрывали глаза, скалы снова выскальзывали из-под рук, крошились, снег делался все мягче, а под ним был лед, как бутылочное стекло.

Кончилась и эта, последняя ушбинская ночь. Несколько часов отделяли их от зеленой травы, деревьев, людей. Они опаздывали к контрольному сроку на три дня. Только теперь они понимали, какой переполох мог подняться в Тбилиси.

Вниз! Вниз! Они глиссировали, бежали по леднику, прыгали через трещины.

Между камней береговой морены выглянули первые ромашки со своими — «любишь — не любишь» — белыми лепестками.

Любишь — не любишь? Ждешь — не ждешь?

Первая зеленая поляна приняла их в свои объятия.

Темури упал в траву и затих.

Отар прикорнул рядом.

Глеб кувыркался, словно котенок, рвал траву, цветы, составлял букетики, бросал их, составлял новые.

Фасо стоял возле своего рюкзака, задумчиво улыбаясь.

Потом они потеряли дорогу. Они шли без тропы, карабкаясь по крутым травянистым склонам, пересекая ледники и потоки. Пекло солнце. Пот выедал глаза. Но это было тепло жизни. Жизнь шла им навстречу массивом альпийских лугов, мощными атаками леса. Ледники и скалы отступали, расходились перед ними. Ушба, нахохлившись, стояла рядом. Временами она казалась птицей, готовой взлететь. Горы дрожали в горячем воздухе.

Они остановились на леднике, чтобы раздеться. В рюкзак полетели свитера, варежки, штурмовки. Ветерок освежил разгоряченные тела.

— Смотри-ка, мозоли, — смущенно сказал Фасо, растирая ключицу. Глеб, улыбаясь, пил воду.

— Это бывает только в сказках,

но почему бы не случиться теперь, — сказал он, щуря свои зеленые глаза. — Спускаемся мы, и четыре девушки ожидают нас у входа в Мазери.

— Моя не приедет, она верит в меня, — сказал Фасо.

— А мне достаточно, что нас ждет Айя, — отозвался Темури.

Отар с улыбкой смотрел на них.

— К чему загадывать, — сказал он, — жизнь всегда оказывается изобретательнее нас.

Они одели рюкзаки и тронулись в путь.

Жара становилась невыносимой. У Фасо пошла из носу кровь. Он сел на камень и неловко зажал пальцем ноздрю. Отар устроился на соседнем камне.

— Странно, оказывается, сейчас лето, — сказал он.

Темури и Глеб пошли искать путь поудобнее. Едва они вышли на тропу, как увидели чью-то красную лысину, стремительно поднимавшуюся им навстречу.

— Дядя Мито! — закричал Глеб.

Мито, задыхаясь, подбежал к ним. Он обнимал Глеба, Темури, ощупывал их, прижимал к себе, бессвязно повторяя:

— Глеб! Глебушка! Жив?! Все в порядке?.. Где остальные? Отстали? Ну хорошо, хорошо... Жив? — рыдания мешали ему говорить. Он бесильно опустился на камень. Глеб отвернулся и незаметно вытер глаза тыльной стороной ладони. Темури полез в карман за сигаретой. Подошли Фасо и Отар.

Они спустились еще метров на двести и встретили спасателей из лагеря «Накра». Тут был и лохматый мастер спорта Павле Девидзе, и Таня Отечко в своей выдавшей виды красной шапочке, и руставский металлург, громадина Ясон Беруашвили. Здесь были и другие, незнакомые альпинисты.

Вскоре вся группа спустилась в лес. Под ногами пружинила тропа, усыпанная прошлогодней листвой. Вокруг были родные лица. И уже не

болели плечи, натертые лямками рюкзака. Не горели обмороженные ноги. Было жарко. Очень жарко. Верно, к дождю.

Вот из-за кустов выглянули серебристые палатки турбазы. Голопузые туристы — коричневые, розовые, оранжевые, ошпаренные южным солнцем, — бегут навстречу, кричат, суют в руки цветы, конфеты... Крестьяне бросают работу, чтобы поздравить этих четырех, обнять, угостить.

А вот и Шихра, куда ходил Глеб с Айей. Тучи быстро сбегаются со всех сторон. И нарзан помутневшим глазом источника говорит: быть дождю.

Глеб ускоряет шаг. Он уходит вперед, не слыша добродушных наставлений друзей. Вся радость, все надежды сосредоточились для него в близящейся встрече.

«Эти белоголовые ромашки и ты... Эти горячие травы и ты... Эти дорогие человеческие лица и ты звали меня. Я вернулся. Радуйтесь, я вернулся...»

Над темной горячей травой выются маленькие белые бабочки. Нестерпимо палит солнце. И вдруг его больше нет. На черном от туч небе вспыхивают контуры неведомых хребтов. Гремит гром. Прямо, без тропы, оставляя в стороне петляющую по лугам дорогу, идет Глеб.

«Дождь смыл с меня пыль Ушбы. Умыл лицо мое. Руки мои охладил дождь. И щеки мои охладил дождь. Где ты, Айя? Почему ты не бежишь мне навстречу? Почему другие улыбаются мне, жмут мои руки? Где ты, Айя?»

Глеб толкнул дверь, позвал:

— Айя!

— Где Айя? — спросил он, чувствуя, что все рушится.

По дороге бежит девушка. Белое платье облегает ее хрупкую фигурку. Ветер бьет ей в лицо. Первые дождевые капли упали на землю. Не видно больше бабочек, пляшущих над горячей травой. Она бежит. Она не может идти спокойно.

Навстречу ей движется разроз-

менная толпа альпинистов. Дождь так и хлещет по плечам. С лица стекают холодные струйки.

— Глеб!.. Где Глеб?! — кричит она, но голос ее теряется в раскатах грома.

— Мы оставили его на Ушбе, — скорбно опустив глаза, говорит Темури.

Она растеряна:

— Нет, это не правда, он здесь, с вами и...

— Ты права, он здесь. Но неужели ты не узнаешь его? — грустно улыбается Отар.

Она мечется от одного к другому, но из-под мокрых капюшонов, топорщась усами, хохочут чужие лица...

Глеб сидит за столом. Он выпил второй стакан за благополучие этого дома. Айи все нет. Ушба в тумане. Зеленъ кажется особенно яркой. В печке трещат дрова. Маленькая женщина в черном молча ставит на стол дымящиеся тарелки. Ее черноволосая дочь моет хрустальные стаканчики с золотыми ободками. На полу высыхают следы, оставленные собакой. Мерзнут ноги. Глебу чудится клохотанье мотора. Что за чепуха?! Никто не должен приехать. А у собаки голубые глаза. Грустно. Не оттого ли, что Ушба позади и опять все кажется чертовски сложным?

Заскрипела калитка. Лязг триконой, смех, радостные восклицания ворвались в маленький дворик.

...Глеб сидит на стуле с высокой резной спинкой. Он захмелел. Сквозь нестройный гул голосов доходит до него взволнованный шепот:

— Сумасшедший, что ты наделал?! Знаешь, я возненавидела в эти дни Ушбу. Я поняла, что... ты мне очень дорог. Я поняла... — Глеб тянется к ней. — Но я поняла и то, — говорит девушка, быстро отводя его руку, — что не смогла бы стать женой альпиниста.

Глеб еще улыбается некоторое время, а потом говорит:

— Да? Вот как? Здорово ты это!

Он видит смеющееся, но с вызовом, лицо Айи, ее круглые, выпуклые глаза, темные губы, устремленные к нему.

— Ну что ж, я украду тебя! — говорит он неожиданно. И он верит, что украдет ее. И ей придется стать женой альпиниста. И ездить повсюду за ним. И ждать. А может быть, шагать, упершись головой в его рюкзак. А Шота будет по-прежнему кататься на лифте и поднимать тяжести... Да, все будет хорошо и еще лучше, и он всю жизнь будет идти к вершине. И ждать. И верить, что его ждут.

Джансуг Никабадзе

Вдохновение

Перевод с грузинского Л. Магистровой

Когда крылом листву перебирая,
Несется ветер в чуткой тишине,
Я двери лунной ночи отворяю,
И входит ночь доверчиво ко мне.
На горном склоне,
        как в далекой сказке,
Олень росистой шелестит травой.
И смотрят звезды пристально и ясно,
И мир ночной в чудесной вечной пляске
Кружиться начинает надо мной.
...Морской прибой в струистом лунном свете,
Отроги гор,
Звнящий бег реки,
Восход в горах,
И солнце на рассвете,
Фиалка, мною сорванная в детстве,
И первый взлет взволнованной строки...
Бумаги шелест —
        словно шелест сада,
Пульс новых ритмов,
        овладевших мной,
Крылатой несказанною отрадой
Струятся строки голубой волной.
Стремительность строки неутомима
В круговороте бурном бытия,
Я как ребенок — открыватель мира,
И вся земля огромная —
        моя!
На крыльях счастья я парю привольно,
Мне красота земли слепит глаза.
Но станет вдруг томительно и больно,
Что я о главном не успел сказать,
Что до сих пор я не нашел ответа,

А смысл,
тревожный смысл всей жизни — в нем!

И вот у ночи

у ночного ветра

Я вновь ищу потерянное днем...

Проходит ночь.

Я остаюсь, как раньше,

Один

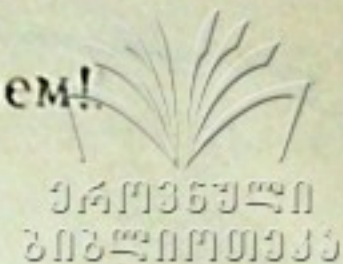
со всем, что смог

и не сумел,

Как странник.

и счастливый и уставший,

Прошедший за ночь тридевять земель.

Илья Руруа

Короткие рассказы

Перевод с грузинского Е. Гогоберидзе

ЯЗЫК ВЕЩЕЙ

Мне не пришлось пока побывать ни в Китае, ни в Индии.

Но в моей рабочей комнате уже годы стоит прекрасная ваза, волнуя меня волшебным мастерством китайского художника.

На моем столе живет своей застенчивой жизнью крохотный слоник, выточенный бомбейским мастером, и я неустанно восхищаюсь им.

С Чехией я знаком только понаслышке, я не бродил по ее горам, не спускался в ее сверкающие каменоломни, но звон чешского хрустального бокала не раз смешивался за моим столом с серебряным звоном старинной грузинской чаши, и надежную, как создавшая ее страна, чешскую обувь я все еще не износил в скитаниях по дорогам Грузии.

Я не видел ни опаленных солнцем берегов Эллады, ни Италии с ее великим наследием, ни прекрасной Франции.

Но я как-то держал в руках небольшой осколок мраморной статуи, разбитой когда-то английскими пушками у подножия Акрополя, и этот осколок нашептал мне многое-многое о гении Фидия.

У нас в Москве гостила Сикстинская Мадонна. Я долго мысленно

беседовал с нею, и мне казалось, что в глазах ее мерцает лазурное небо Италии.

Во время фестиваля молодая француженка подарила мне нагрудный значок — Эйфелеву башню. И с тех пор я часто гляжу с высоты этой башни на старинный, беспокойный город на Сене.

Но как мне все это знакомо! Похоже, я ошибся. Или я когда-то бывал в этих странах?..

Хотя бы в Египте? Но нет, я многое знаю о нем лишь от «сфинкса с выщербленным ликом над исполинской Невой...»

Или в Иране? Нет, я только любовался прихотливыми узорами персидских ковров...

И каждая вещь говорит что-то свое, сокровенное.

Подумайте-ка!

Возможно, где-то в Париже теплая соболевая шубка вызвала в воображении французской девушки образ сибиряка-охотника, подстерегающего в тайге первого обладателя этой шубки...

Может быть, норвежец-матрос, застывший в зимнюю стужу, согревается кахетинским вином и чувствует, как оно бурлит и поет в его жилах.

Как знать! Как знать!

И думаю я о неизвестных мне простых людях, которые вложили тайный язык в бессловесные вещи.

На этом тайном языке вещей они говорят:

— Мы одно, одна у нас мать, один у нас творец. Мы, только мы, храним следы жизни минувших поколений, благодать человеческих рук, радость и счастье труда...

Вот о чем говорят нам вещи!

ШАШКА ИЛИ СЕРП?

Я знал все серпы, что имелись в нашей деревне. Собравшись на заливных лугах родной Абаши, мы, ребята, прежде чем взяться за работу, проверяли, хорошо ли отточены серпы, ударяя лезвием о лезвие.

Серп дяди Андро считался лучшим не только потому, что у него было необычайно острое лезвие, но и по виду: его украшала прекрасно выточенная рукоятка, стянутая медными, отливающими золотом, кольцами.

Помню, один из мальчиков (мой серп врезался в лезвие его серпа чуть не до половины) сердито крикнул мне:

— Нечему удивляться! Твой серп ведь выкован из шашки!

Я рассказал об этом дяде. Он рассмеялся и подтвердил, что его серп и в самом деле был когда-то шашкой. Он легко уловил в моих глазах не то изумление, не то недоверие и достал из сундука старую фотографию.

Я с первого же взгляда узнал дядю Андро, самого красивого, стройного и мужественного из братьев моего отца.

Дядя был снят на коне, настоящий орел; в военной форме он казался еще более ловким и склад-

ным. Правая его рука лежала на рукояти шашки, которая, как две капли воды, походила на ручку нашего серпа.

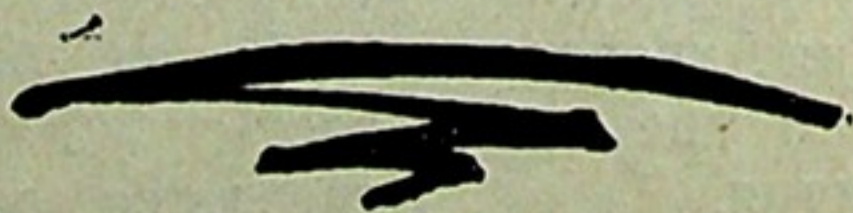
— Так-то, племянник! И теперь не веришь? Была шашка, стал серп, был унтером, стал бригадиром. Именно этой шашкой я помог скинуть с трона окаянного Николашку.

Я тогда не понял, кто был этот Николашка и что это за трон, с которого его сбросили. Ясно было одно: дядя считал Николашку своим злейшим врагом...

Эта перекованная в серп шашка и доныне хранится в нашем доме и доныне сверкает в руках у ребят, когда они выходят на берег Абаши срезать траву. И всякий раз заново начинается быль о шашке, перекованной в серп...

Как хочется, чтобы такая же судьба постигла то страшное оружие, которое преступные руки занесли ныне над головой человечества.

Так оно и будет. Мы дождемся этого дня, потому что такова воля народа, такова воля людей, познавших ужас войны, такова воля детей. Того же жаждут и наши зеленые луга.

Петер Карваш

Похищение

ИЛИ

Будапешт—большой город

РАССКАЗ

Перевод со словацкого Е. Аранович

— Папа, а Будапешт в Братиславе?

Его обуревала страсть к знаниям в области географии, предмета не слишком-то трудного теперь, в эпоху реактивной авиации.

Я очень рад, что речь идет о географии, а не о реактивных самолетах, так как в этом я еще более слаб.

— Братислава, — важно объясняю ему, — в Словакии, а Будапешт в Венгрии, понимаешь?

— А Венгрия, — спросил он, — в Братиславе?

— Нет, — ответил я очень спокойно, частично по педагогическим причинам, частично потому, что не знал еще, какой вопрос за этим последует, — Венгрия — государство, а Будапешт — его главный город. Во втором классе вы будете учить Венгрия так же, как Чехословакия, находится в Европе.

— А Европа, — спросил он с надеждой, — в Братиславе?

Это была навязчивая мысль. И я незаметно перевел разговор на реактивные истребители. Я рассудил: что касается главного города

Венгрии и преимущества географии вообще, я приведу доказательство на месте. Я попытался сделать это во время первой прогулки по солнечному, шумному, пестрому Будапешту.

На набережной он остановился, строго посмотрел на спокойную гладь Дуная и вдруг задал контрольный вопрос:

— Что это такое?

— Дунай, — ответил я почти с нежностью, — Дунай, сынок.

Он нахмурился.

— А разве есть два Дуная?

— Наоборот, — я отверг эту чудовищную возможность, которая привела бы к путанице в географии; вполне достаточно, что делами культуры вершат два представительства, что в нашем городе два футбольных клуба, что мы всегда вдвоем составляем планы свободных вечеров и праздничных дней; и я сказал:

— Наоборот, есть только один Дунай, вот этот, который ты видишь.

— Определенно? — спросил он тоном следователя.

— Определенно, — подтвердил я с приятным чувством человека, который, сам того не зная, является знатоком географии.

— Ну, вот видишь, — сказал он с большим облегчением, — я ведь тебе говорил, что Будапешт в Братиславе.

Мне не представляется необходимым приводить здесь весь ход дискуссии; достаточно упомянуть, что моим аргументам были противопоставлены слезы. Какое-то время он шмыгал носом, но так как вокруг все же была незнакомая среда, он быстро все забыл и стал снова туристом, как все туристы. Среди всех памятников искусства больше всего его привлекли магазины игрушек второй половины XX столетия. Там были отлично сохранившиеся, нетронутые временем и сверх всякой меры притягательные автомашины, кегли, самолеты, игры, барышни.

Молодой венгерский писатель, который сопровождал нас вместе со своей женой, купил ему замечательную игру: серебряный шарик, посылаемый пружиной, после различных приключений должен попасть в отверстия, отмеченные разными числами, — кто настреляет больше, само собой разумеется, выигрывает; игра называлась «Тиволи». Я подозреваю, что она была не дешевой, но, конечно, значительно дешевле, чем, например, памятник Петефи, который наш хозяин наверно бы тоже купил, если бы на беду восхищение моего сына обратилось на древние памятники искусства.

С этой минуты шарик непрерывно катался по желобкам, попадал в отверстие с цифрой 100, а взрослые обсуждали между собой проблемы схематизма и формализма, равно как и проблемы всевозможных кофточек, свитеров и блузок. Над единственным, неповторимым будапештским Дунаем светило августовское солнце 1955 года, и ничто не свидетельствовало о том, что надвигается небольшая трагедия.

Группа из пяти человек рассудила, что будет разумно дожидаться автобуса и вернуться таким образом в гостиницу; автобус останавливается не один, а великое множество разных номеров автобусов; обычно приходят не те номера, которые человек ждет, а ожидаемый автобус, это можно предсказать безошибочно, придет только после всех. Но когда, наконец, ожидаемый автобус приходит, оказывается, что ожидающая группа состоит уже не из пяти, а из четырех человек, что шарик не катается больше по желобкам и что почитатель будапештских достопримечательностей потерялся.

Прежде всего, раздается, конечно, крик. На двух языках. Слышатся щедрые обещания «такой трепки, какой еще никогда...», разгорается краткая дискуссия о педагогических принципах, о системе воспитания, упоминается имя Макаренко, доходит до упреков тому из родителей, который не держал мальчика за руку достаточно крепко. Потом мужской состав группы возвращается в ближайший магазин игрушек, — где же еще и быть этому шалопаю (отцовский термин), этому милому маленькому проказнику (термин венгерского писателя)...

Где бы он мог быть — вопрос остается открытым, так как в магазине его нет. В непосредственной близости от магазина его тоже нет, нет и в сквере, и на набережной Дуная (отец теперь с удовольствием допустил бы, что существуют два Дуная, если бы ему обещали, что сын найдется на набережной хоть одного из них). Организуется систематический просмотр местности на расстоянии трех близлежащих улиц, который приводит к тому, что теряется еще и мама молодого человека, о котором идет речь, и находится только через десять драгоценных минут. Потом все четверо сидят на скамье на зеленой площади Верешмарти и убеждаются в том, что дело серьезное.

Серьезность положения проявляется, прежде всего, в том, что все одновременно начинают говорить о молодом человеке, как о шалопае, термин «милый маленький проказник» становится уже анахронизмом. Тут необходимо упомянуть, что заграничное пребывание родителей шалопака кончается завтра утром, что сейчас 7 часов вечера, что до половины восьмого денег еще хватит, но дальше не будет ни денег, ни паспорта...

Молодой венгерский писатель весьма трезво оценивает положение и из первой же телефонной будки (Будапешт не в Братиславе, телефонные будки там функционируют) звонит в комитет безопасности. Если кто-нибудь из группы друзей с площади Верешмарти или, не дай бог, из читателей подумал, что в комитете ответили: «Мальчика мы нашли и посылаем его вам в сопровождении личной охраны», признаюсь, что они ошибаются. Собственно, в ближайшем будущем...

— Попробуем рассуждать логически, — серьезно сказал венгерский писатель. — Что произошло? Пропал мальчик. И тут ничего нельзя поделать.

— Его никто не обидит, — сказала милая супруга венгерского писателя. — Люди у нас добрые. Я их хорошо знаю.

— И ничего нельзя сделать? — спросила мать шалопака. Совершенно очевидно, она сердилась на добрых жителей Будапешта за то, что потерялся ее мальчик. — Если бы хоть этот Будапешт был не такой большой, — горько сетовала она. Но Будапешт был большой. — Один раз он у нас уже потерялся, — сказала она, и слезы показались на ее глазах, — это случилось на Слячи. Мы нашли его в кино на научно-популярном фильме о женских болезнях... Но Будапешт... — Она ставила в вину Будапешту его величину — пожалуй, это было уже с националистических позиций.

— Продолжим наши рассуждения, — напомнил венгерский товарищ. — Каким образом мог он потеряться? Под землю он не провалился, это исключено.

Мысль, что он не мог провалиться под землю, не принесла мне никакого облегчения. Наоборот, я бы, пожалуй, согласился, если бы он провалился под землю, но не слишком глубоко и без членовредительства.

Мирный акварельный вечер падал на площадь Верешмарти, а мать шалопака лила обильные и горькие слезы. Это была все же какая-то деятельность. Наконец, всем пришла в голову гениальная мысль — слезами делу не поможешь.

Венгерский писатель упорно пытался вернуться к логике — совершенно неизвестно почему.

— Где мы находимся? — спрашивал он остальных, в том числе и Верешмарти. — Мы находимся в Народной республике. Может в Народной республике пропасть ребенок? Не может.

Верешмарти был согласен, но факты говорили противоположное.

— Что у нас самое ценное? Человек. Для кого все? Для детей. Все это неопровержимые факты.

Отец шалопака в это время быстро удалялся от гранитных берегов логики. Прежде всего, он представил, что из-за угла появляется веснущатая рожица, и что утраченный сын, давясь озорным смехом, кричит по доброй старой привычке: «Вот он я!» После этого, разумеется, он получает добрую трепку, как и полагается в подобном положении. Или так: со стороны набережной приближается старый пан в соломенной шляпе и ведет за руку заплаканного героя происшествия, герой замечает живописную группу на площади Верешмарти, его лицо озаряется радостью, и он бросается на шею взволнованным родителям...

Что касается матери шалопака, то она, еще более удаляясь от твер-

дынь логики, видит толпу на набережной, на перекрестке, на рельсах, слышит сирену санитарной машины, читает в газетах о несчастном случае...

— Если бы Будапешт не был такой большой, — стонет она. Но Будапешт большой.

Жена нашего венгерского друга сосредоточенно вспоминает:

— На нем была перепачканная матроска, голубые носки и сандалии неопределенного цвета. В руках он держал игру «Тиволи» — это очень важно.

— Если подойти к вопросу логически, бояться нечего, — заключил свои рассуждения молодой венгерский автор. — Все кончится благополучно, другими словами, ничего, собственно, и не произошло.

Над небольшой площадью Верешмарти темнеет, зажигаются огни Будапешта, на скамейке тихо сидят четыре человека, а пятый человек пропал в шумном большом городе, поезд отходит завтра в 7.20 утра, сейчас половина девятого вечера, ни логика, ни слезы не помогают, мысли вертятся вокруг самых мрачных вещей, и сверх всего начинается мелкий, фатальный, демобилизующий дождик.

— Что же все-таки делать? — спрашивает наконец один из четырех примолкших людей на площади Верешмарти. Это, и в самом деле, очень актуальный вопрос.

В конце концов, решили вернуться в гостиницу — это было не отступление, просто решили обратиться за помощью... к пожарникам, к ночным сторожам, к секции критики... Четверо ехали по прекрасному летнему Будапешту, в котором затерялась крошка, тогда как послушные дети без всяких приключений прозаически ложились в кровати. Потерялся семилетний мальчик с темными волосами, с пятном на матроске... В руках у него была игрушка с серебряным шариком, он принадлежал этим четверым, измученным и разбитым, входящим в гостиницу в

самом мрачном состоянии, без малейшей надежды...

— Добрый вечер, — говорит швейцар двум писательским парам, от усталости падающим с ног. — У меня для вас поручение. — Он долго роется в своем ящике, надевает очки, внимательно просматривает свои записи, склонившись к лампе, и наконец говорит, обращаясь к двоим из четверых: — Это вы — словаки? У которых сын? Он сейчас в швейцарской отеля «Дунай». Если интересуетесь, можете там справиться.

Женский состав группы немедленно тут же в холле начинает плакать, мужской с нечеловеческой скоростью устремляется на улицу за такси. Через несколько минут писатели стремглав врываються в швейцарскую отеля «Дунай». Швейцар немедленно догадывается, кто они и зачем пришли, царственным жестом предлагает сохранять спокойствие и ведет их в каморку за швейцарской, сохраняя молчание, от которого стынет кровь.

В каморке сидит почитатель достопримечательностей, турист и новатор в области географии, сосредоточенно загоняет шарик в отверстия и, тихо шевеля губами, подсчитывает результаты игры. Заметив входящих, он бросает на них равнодушный взгляд и говорит:

— Подождите немного, сейчас у меня будет миллион.

Я бросился к нему, не зная еще хорошенько, что делать с ним, обнять или... Однако я спросил:

— Миллион?

Он быстро взглянул на меня и отвернулся:

— Ну, тысяча, а точнее — триста шестьдесят...

Взволнованным голосом я спросил:

— Как же это ты... Где ты был?..

— А ты, — удивленно и обиженно спросил он в свою очередь. — Где ты был? Я здесь уже долго жду, спроси дяденьку, — указал он на швейцара отеля «Дунай».

Мы кончили с организационными

вопросами, связанными со счастливым нахождением мальчика, и вернулись к такси.

— На тебя нельзя положиться, — критиковал он меня по дороге.

Даже мой венгерский товарищ не смог мне подсказать, как должно поступать в таких случаях. Радость по поводу счастливого нахождения отпрыска смешивалась в моем сердце с чувством неисполненного родительского долга.

Его мать была разочарована, она полагала, что я, как представитель сильного пола, исполню карающий долг, и на ее долю останутся одни объятия.

— Ты объяснил, что он сделал?

— Нет, — ответил я. — Что же он сделал?

Мы попытались узнать, что же он все-таки сделал. Он отвечал односложно с оскорбленным видом. Синтетическое воспроизведение его рассказа имело такой вид:

Он ждал автобуса. Исходя из положения, что Будапешт в Братиславе, основанного на том, что Будапешт располагается на Дунае, а Дунай только и течет в Братиславе, он влез в автобус одним из первых. Но так как Будапешт на самом деле не в Братиславе, это был совсем другой автобус. Родители, разрешающие основные вопросы литературы, не заметили этого обстоятельства, и, когда пришел нужный автобус, сын был уже за горами, за долами, так как Будапешт лежит не на равнине.

Он уселся в автобус на свободное место и задался целью поставить мировой рекорд в «Тиволи», абсолютно не замечая, что он один. Этот факт обнаружился, когда он набрал сто очков, о чем немедленно пожелал сообщить взрослым. И тут он убедился, что никто из взрослых, находящихся рядом с ним, не

способен понять его. Это рассердило его, и он разревелся.

Пассажиры обратили внимание на то, что неизвестный хочет выйти из автобуса на полном ходу и ревет что есть силы по этому поводу. Автобус остановился, и чемпион «Тиволи» очутился на вечерней будапештской улице.

Около заблудившегося молодого человека остановился сначала солдат. Но какой это был солдат? Не так это просто! Наш или не наш? Молодой человек не был снабжен инструкциями на этот счет. Поэтому он не вступил в соприкосновение с армией. Он обратился к старой пани:

— Шпрехи зи дойч?

Старая пани по-немецки не говорила; поэтому она остановила еще некоторое количество прохожих. Молодая пани («красивая, немножко похожа на тетю Милицу, когда она представляет фею») ответила на вопрос положительно. Это успокоило молодого человека, но мало что объяснило, так как словами «шпрехи зи дойч» исчерпывались его познания в области этого языка. Он мог только многообещающе добавить:

— Их Чехословакия.

Молодая и красивая пани не сочла это навязчивой мыслью, напротив, она взяла парнишку за руку и отвела в отель «Дунай». Оттуда стали звонить всем швейцарам будапештских гостиниц, спрашивая, не остановились ли у них чехословаки, которые теряют на улицах детей.

— Ты больше не будешь так делать? — спросила растроганная мать спасенного сына.

— Почему бы и нет? — удивился он. Когда он снова обратился к отцу, в голосе его было торжество и превосходство:

— Теперь ты видишь, что Дуная-то два!

Н. Внук

Секрет „НС-Е“

ОЧЕРК

МИСТЕР КРАФТ И МИСТЕР ЕГОРОВ

Этот примечательный разговор произошел в Нью-Йорке, на выставке Международного конгресса по автоматике. К научному консультанту советского стенда Димитрию Ивановичу Агейкину подошел грузный американец и отрекомендовался:

— Генри Крафт, из Питсбурга. Предприниматель.

Среди многочисленных экспонатов мистер Крафт заметил портативный, одетый в светло-серый металлический кожух, станочек и попросил его продемонстрировать. Станочек изготовлял импульсные ферритовые трансформаторы, настолько миниатюрные, что в обычную спичечную коробку их можно было уложить более полусотни.

Каждый тороидальный (кольцевой) сердечник трансформатора аккуратно и тщательно обматывался тончайшей, с человеческий волос, медной изолированной проволокой. И всю эту работу производило механическое устройство станочка, выпускающего один трансформатор за другим.

Мистер Крафт пришел от этого в неопиcуемый восторг...

Нашего консультанта ничуть не удивил повышенный интерес американца к «НС-Е», или к намоточному станку Егорова, как он именовался. Многие специалисты в области элек-

троники и радиотехники, бизнесмены, представители фирм и компаний подолгу заглядывались на него, интересовались, где можно приобрести чертежи или же закупить партию таких механизмов. Изящный, словно игрушечный «НС-Е» в дни выставки был своеобразной технической сенсацией.

Как и многие другие, Генри Крафт спросил, можно ли взять трансформатор в качестве сувенира, и, когда это ему разрешили, бережно спрятал маленькое, напоминающее кнопку, изделие, в свой пухлый, набитый долларами бумажник.

— Мне известны все типы подобных американских станков, знаю я и европейские, — возбужденно сказал Крафт, — но все они уступают этой игрушке. Да. Да... Ваш — лучший.

Консультант Агейкин не без удовлетворения выслушал эту восторженную тираду: действительно, в мире еще не было подобных станков.

— Передайте мистеру Егорову — я не знаю, кто он, инженер или ученый, — продолжал Крафт, — что он соорудил отличную вещь.

— Хорошо, обязательно передам рабочему Егорову — изобретателю этого механизма, что он вам очень понравился, — пообещал консультант.

— Рабочему? Уважаемый гид, конечно, шутит? — и Крафт хитровато сощурил глаза: — Да, да, понимаю, вы, русские, не можете обойтись без пропаганды. Гуд бай!

— Что я мог ответить Генри Крафту и ему подобным? — вспоминал недавно в беседе со мной этот разговор на выставке в Нью-Йорке Дмитрий Иванович Агейкин, научный сотрудник Института автоматизации и телемеханики. — Рассказать о том, что у слесаря Бориса Сергеевича Егорова не один, а десятки сконструированных и внедренных в производство станков и приспособлений? Или же о том, что Егоров по своим техническим знаниям, почерпнутым из практики, является отличным специалистом и почти ничем не отлича-

ется от инженера? А может быть и о том, что он — член правления научно-технического общества приборостроения, руководитель лаборатории, консультант и докладчик по специальным вопросам и, помимо того, общественный деятель — депутат Московского Совета?

— Мы, советские представители на конгрессе, конечно, рассказывали американцам и о Егорове, и о других наших новаторах, — продолжал Дмитрий Иванович. — Но нередко, как это было и с Крафтом, нам не очень верили и обвиняли в пропаганде.

— Так или иначе, — весело заключил мой собеседник, — но мистер Егоров дал предметный урок мистру Крафту, да и ему подобным.

ВЕХИ НА ДОРОГАХ

Возможно, вам довелось видеть фильм под интригующим названием «Секрет «НС-Е». Фильм посвящен слесарю-механику Московского завода счетно-аналитических машин Борису Егорову и изобретенному им станку.

Попробуем вслед за этой картиной вновь поставить вопрос: в чем же «секрет» «НС-Е» и почему его так и не могли постичь ни делец из Питсбурга, ни другие представители капиталистического мира.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы несколькими штрихами обрисовать облик Егорова, «заглянуть» в его биографию.

Этот скромный, предупредительно вежливый, подтянутый человек с высоким лбом и задумчивыми серыми глазами в движениях быстр, что гармонирует с его сухопарой спортивной фигурой, а в разговоре нетороплив. К словам он относится бережно и отыскивает лишь те, которые лучше и яснее выражают его мысль. С ним можно говорить на любую тему — об искусстве и политике, о ботанике и спорте... А уж о механике и говорить нечего — это его родная стихия.

Егоров принадлежит к тому поколению людей, которое уже не назовешь молодым, но которому еще далеко до старости. Это поколение комсомолии первой пятилетки.

Сын слесаря, Борис с измальства «душой прилип» к профессии отца и пошел по его стопам. Из школы он вместе с удостоверением об окончании семилетки вынес и производственный «аттестат» — любовно и аккуратно сделанный в школьной мастерской штангенциркуль — мерительный инструмент, ловивший десятые доли миллиметра.

Немного позже, когда Егоров поступал на работу в мастерские Главного телеграфа и его спросили, что он умеет делать, молодой человек вместе с удостоверением об окончании школы ФЗУ предъявил и этот «аттестат».

Молодежи, задумывающейся над вопросом: «Жизнь делать с кого?» — весьма полезно было бы поразмышлять о том, как и с чего начинал свою трудовую жизнь Борис Егоров.

Ему хотелось учиться, и он учился — в библиотеках, кружках юных техников, у опытных и умелых людей... Егоров понял, что в жизни прежде всего нужны знания, а их, только не ленись, можно черпать пригоршнями повсюду.

Вехами на долгом и трудном пути к зрелости и признанию были не только упомянутый уже штангенциркуль, но и громоздкий, похожий на фанерный чемодан, радиоприемник — первая попытка самостоятельно сконструировать.

Смонтированный Борисом Егоровым приемник - чемодан демонстрировался в Кремле на выставке работ юных техников. И, видимо, было в этом радиоагрегате (в то время радио только начинало входить в быт) что-то, говорящее о несомненных способностях его создателя. Это первое самостоятельное творение Егорова удостоилось чести быть показанным делегатам XVII партийного съезда.

А спустя некоторое время рабочий паренек по путевке Центрального Комитета комсомола начал работать инструктором радиодела в пио-

нерском лагере Артеке, приучая ребят «думать головой и руками».

— Вероятно, закваска дается смолоду, — как-то сказал Борис Сергеевич. — Я приучил себя видеть в окружающих меня вещах прежде всего их сущность и, вместе с достоинствами, заложенные в них противоречивость и недостатки. Давно вошло в правило задавать себе вопрос: как эта машина должна выглядеть, если хорошенько подумать и еще немного улучшить ее?

Борис Сергеевич улыбнулся и добавил:

— Отсюда, наверное, и идет изобретательский «зуд»...

НА ПОДСТУПАХ К ГЛАВНОМУ

Незадолго до войны сбылась мечта Егорова о «головоломной» работе. Он пришел на завод, выпускавший «умные» счетные машины-табуляторы, каждая из которых заменяла многих людей. Но война прервала эту работу. Пришлось делать то, что прежде всего требовалось в те трудные годы. Но и тут пригодилось умение изобретателя видеть в вещах их сущность. Это «второе зрение» помогло создать станки для комплексной механизированной подготовки уступов узлов автоматов — известных всем фронтовикам «ППШ». Станки не только облегчили труд рабочих, но и сэкономили большие средства. Они ускорили производство оружия.

Закончилась война, и Егоров опять начал делать автоматы для мирных целей.

Автомат для изготовления пружин к так называемым типштангам счетной машины дал возможность производить их по пять тысяч штук в час, тогда как раньше четыре работницы выпускали за день меньше половины такого количества. Вырабатывая мел-

кие, докучливые пружинки, они перенапрягали зрение, сильно уставали. Станок избавлял их от этого, и надо было видеть, какой радостью светились утомленные глаза работников, когда они сердечно благодарили Егорова.

И вот у Егорова шестьдесят два усовершенствования и изобретения. Внедренные в производство, они дали по одному только заводу свыше миллиона рублей экономии и стали заметным явлением технического прогресса. За каждым из нововведений — напряжение ума и воли, кропотливые и неустанные поиски, почти неизбежные ошибки, как всегда, неприятные, но и где-то полезные потому, что обязательно чему-то учили. За каждым изобретением — внезапные озарения и радость окончательной победы. Рассказать обо всем этом — значит поведать о самом трудном — о самозабвенном горении в неугасимом огне творчества.

Но маленький портативный «НС-Е» еще ожидал своего рождения.

ПРОБЛЕМА ФЕРРИТОВЫХ КОЛЕЧЕК

В конце цеха, возле широкого окна, где рабочее место Егорова, слесарь и ученый, пришедший из Академии наук, говорили долго и обстоятельно, как равный с равным, на понятном обоим языке. Только у уче-

ного в этом разговоре было, пожалуй, зависимое положение: он нуждался в помощи и совете производственника.

Сотрудник академии держал на ладони ферритовые колечки, каждое из которых по величине не превыша-

ло спичечную головку. Колечки нужно было обмотать проволокой и превратить в трансформаторы счетных и электронно-вычислительных машин. Производство новых марок таких машин целиком зависело от микротрансформаторов — любому из агрегатов они требовались тысячами. Егорову была понятна суть проблемы, больше того, она уже давно его волновала.

По соседству с верстаком, где представитель Академии наук и Борис Сергеевич рассматривали колечки, изучая на схемах различные способы их обмотки, трудились девушки. Склоненные перед яркими настольными лампами головы работниц, их воспаленные глаза, казалось, безмолвно зывали: «Трудно, очень трудно навивать проволоку на эти злополучные колечки. Помогите нам!».

Как ни проворно мелькали руки девушек, продевавшие с помощью игольчатого челночка проволочную нить в крохотные отверстия, производительность была мизерной: не больше трех десятков трансформаторов за смену. А нужно бы в десять раз больше! Работницы обматывали колечки — виток к витку. Нельзя ни на секунду отвлечься. На бумаге, лежавшей перед каждой, они чертили крестики. Десять витков — крестик... Еще десять — второй. Нельзя сбиться со счета, иначе неизбежен брак.

— Так вот, дорогой Борис Сергеевич, — наглядевшись на эту безотрадную картину, сказал ученый, — надежда на вас. Мы перепробовали механический, электромагнитный, пневматический способы обмотки, изучили иностранные образцы. Все — не то! Проверьте их, убедитесь. Видно, придется опять танцевать от печки.

Он помолчал, и неожиданно спросил:

— А ведь у вас, кажется, уже есть станочек для более крупных сердечников?

Да, действительно, на заводе уже применялся такой станок. Егоров сам его сконструировал. Но вряд ли, размышляя он теперь, принцип работы, примененный там, может помочь в данном случае. Поэтому он ничего не мог обещать ученому, а только

сказал, как обычно говорил в подобных случаях:

— Подумаю. Буду искать. Посоветуюсь с товарищами.

Безусловно, ему очень хотелось помочь всем этим славным девчатам — Вале, Нине, Светлане, Гале, недавним десятиклассницам, любознательным и шустрым, так живо напомнившим ему тех пионеров, которых он когда-то вводил в мир техники в Артеке. Облегчать труд, повышать его производительность — Егоров всегда считал главной целью изобретательства. Проблема превращения ферритовых колечек в трансформаторы, по мере того, как он о ней думал, вырастала и ширилась, приобретала масштабность и подлинно государственное значение.

Уже давно сбылась его мечта о «головоломной работе». Счетные машины-табуляторы, совершенством которых он некогда восхищался, стали привычным явлением, широко применяются они на машинно-счетных станциях предприятий и даже колхозов. И все же такие машины — уже пройденный в технике этап. На заводе создавались новые счетные машины, призванные заменить десяток прежних. Для из «начинки» требовались многие тысячи крохотных трансформаторов. Эти трансформаторы нужны и для еще более совершенной электронно-аналитической машины, той, о которой, главным образом, и высказывал беспокойство представитель Академии наук в памятном разговоре у рабочего верстака. Егоров видел в действии эту чудесную машину, работающую во много раз быстрее человеческой мысли и словно бы запоминающую и исполняющую приказания «концентрированного мозга» множества людей.

— Если человек — обычный пешеход, то табулятор по скорости — уже скаковая лошадь, а электронный математический агрегат — ракета! — пояснили ему ученые-кибернетики в одном из институтов.

Только в одну секунду такая машина способна делать в среднем двадцать тысяч арифметических операций, в минуту — миллион двести тысяч. Табулятор заменял роту людей с арифмометрами, новая машина — целую армию в 80 тысяч человек! Табулятор лишь складывал

вычитал, умножал и делил, а электронные машины «присоединили» к этим действиям классической арифметики сложные интегральные и дифференциальные исчисления. Они способны осуществить перевод текста с иностранных языков, решать шахматные задачи, руководить технологическими процессами.

Конструкторские расчеты моста, строящегося на Волге, машина произвела за полтора часа. Раньше на это понадобилось бы более года. Именно электронная машина с предельной точностью, восхитившей мир, рассчитывала траектории полета советских спутников и космических кораблей!

В институте, где научные работники демонстрировали слесарю свое создание, Егоров со всегда присущим ему стремлением вникать в «суть вещей» узнал и о том, что «математический агрегат» оплетен сотнями километров провода и потребляет энергии столько, сколько требуется рабочему поселку средней величины. И о том, что в нем около полутора десятков тысяч полупроводниковых

диодов, примерно сто тысяч контактов и более десятка тысяч микротрансформаторов из ферритовых колечек. Сообщение же, что в машине такое количество радиоламп, которого хватило бы на целую тысячу мощных приемников, окончательно потрясло его воображение. Ему вспомнились комсомольская юность и свой первый приемник-чемодан на Кремлевской выставке. Как же далеко шагнула, каких заоблачных высот достигла за эти, казалось бы совсем недолгие годы, техника родной страны!

После беседы с представителем Академии наук и посещения института перед изобретателем раскрылась захватывающая перспектива новых поисков. Нет, не иссякнут в наш век «головоломные работы», и, значит, нельзя притуплять «второе зрение»!

Как и в пору, когда Егоров изобретал станки, ускорявшие производство автоматов для фронта, он снова чувствовал себя мобилизованным. Только теперь — на фронт мирного труда и соревнования социализма с капитализмом.

О ТОМ, КАК ОТКРЫЛСЯ ЛАРЧИК

Лаборатория была в сборе. Да, именно в сборе, ибо речь идет о людях, которых специальным приказом директор завода откомандировал в помощь изобретателю, — фрезеровщике Глебе Алексееве, слесаре Андрее Скобелеве, конструкторе Анатолии Грецове и токаре Евгении Давыдове.

В качестве «советника» был приглашен давний приятель Егорова, Иван Иванович Басов, как и он, слесарь-механик, искушенный в изобретательских делах. Проблема ферритовых колечек его тоже очень интересовала.

— Машина, которую я видел, — как обычно взвешивая слова, говорил Борис Сергеевич, — обладает магнитной памятью и работает в тысячи раз быстрее человека. Она не делает ошибок и не устает. Но умнее человеческого мозга она быть не может, ибо ее создал и заставил трудиться себе на пользу человек. Так неужели же мы не в силах одолеть какие-то трансформаторы и этим

способствовать появлению большего количества таких машин?

Единодушно было решено «танцевать от печки», как и советовал представитель Академии наук. Иначе говоря, идти от известного, проверяя общие закономерности, отбирая из них то, что может пригодиться, отбрасывая ненужное и отыскивая свои пути. Единственно правильным всеми был признан метод исключения. Это была кропотливая и поистине исследовательская работа. Надлежало воссоздать все то, что сделано предшественниками, проверить их опыт, логические построения, чтобы, отталкиваясь от них, создать свои, новые. Работа была сложной еще и потому, что ее приходилось вести параллельно с основной, обеспечивающей выполнение плана.

Как-то я заговорил с Егоровым о трудностях, которые ему пришлось преодолевать, о силах, противостоявших ему и тормозивших его дело. Борис Сергеевич вначале не

понял, а поняв, заразительно рас- смеялся.

— Новаторы и консерваторы? Дежурный конфликт, который так любят писатели? Со мной такого не случилось. Другое дело — борьба внутри самого человека, который, по выражению Горького, «преодолеывает сопротивление материала и традиций». Но это уже из области психологии...

Занявшись новыми исследованиями, Егоров потерял покой и обрел то тревожное, мучительное, но всегда радостное состояние, которое сопутствует всякому творчеству.

Был урезан и без того не очень долгий сон. Обеденный перерыв поделен надвое: еда и схемы. Схемы он чертил где придется и на чем придется — на песке в заводском сквере; на блокнотных листах, когда ехал в электричке на садовый участок в Дорохово; на ватманских листах — дома.

Лампа перед его тисками нередко горела до конца второй смены, хотя он работал в первую. График посещения технических библиотек соблюдался неукоснительно, без скидок на усталость. На библиотечных полках Егоров произвел «глубокую разведку», стараясь не упустить ни одного источника, касающегося микротрансформаторов и способов их обмотки.

Обо всем отысканном на этих полках, о любой, пусть крохотной мысли, о каждой наспех нарисованной схеме Егоров докладывал своей лаборатории-бригаде и, конечно, другу — Ивану Ивановичу Басову.

Первым был отвергнут шпульный принцип: в процессе работы станка шпуля погнется, не будет упругой, неверно затянет проволочную нить. Далеко не сразу, но одно за другим были отброшены методы конструирования с применением гидравлики и электричества. Необходимого «зерна», которое советовал поискать в этих и других методах представитель Академии наук, так и не находилось. Принцип «исключения» действовал неумолимо, отбрасывая звено за звеном. После него оставался круглый ноль. И опять надо было «танцевать от печки».

Егоров оставался все таким же собранным, подтянутым, корректным и внешне совсем спокойным. Только

жена Надежда Ивановна — добрый и давний спутник с памятных артековских лет — замечала, что с Борисом творится что-то неладное.

Надежда Ивановна, продавщица фирменного кондитерского магазина, по-своему могла бы рассказать историю любого станка, сделанного мужем. Занявшись этими странными колечками, Борис Сергеевич снова дольше обычного засиживался за столом, нещадно дымил папиросой и ей, волей-неволей, приходилось напоминать:

— Пошел бы покурил на кухню. Мешаешь нам с Иришкой...

Приходили знакомые, а Борис, словно не замечая их, зарывался с головой в книги. Однажды он заявил, что симфонии и поэмы помогают ему «сочинять» станок. А когда весной, в пору садовых работ нужно было ехать в Дорохово окапывать яблоньки и сажать столь любимые им цветы, он отказался от поездки и даже раздраженно произнес:

— Ну их к шуту. Мне некогда!...

Правда, в следующую субботу Борис Сергеевич все же поехал в сад, но Надежде Ивановне показалось, что, окапывая приствольные круги, он больше думал о своих схемах...

Одно время Егоров и его друзья возлагали большие надежды на челнок; его удалось приспособить для механической работы. Но с этим станком получилось то же, что и со всеми другими отечественными и иностранными: проволочные витки то затягивались, то обрывались, то портилась их изоляция.

Несколько обнадеживающим показался принцип, примененный американцами, о котором он вычитал в специально переведенной статье из журнала «Электроника». Американцы применяли для обмотки не шпулю, не челнок, а иглу, заставив ее бегать по электромагнитному кругу. Однако при тщательном изучении и этот способ оказался далеко не совершенным: витки получались неравномерными, без плотной затяжки. «Как же добиться того, чтобы петлю не затягивать?» — думал изобретатель.

А ларчик, как водится, открылся совсем неожиданно...

Борис Сергеевич сидел у себя в комнате и на этот раз ничего не чер-

тил. На диване, напротив, Надежда Ивановна вязала кружева. В ее руках быстро мелькал крючок, образуя петли одну за другой. Вдруг Борис Сергеевич вскочил со стула, порывисто обнял растерявшуюся жену.

— Нашел, нашел! — весело закричал Борис Сергеевич и побежал к столу.

Всю ночь он опять не спал, а утром радость открытия первым поделил с ним Басов.

— Провод должен вести крючок, а не игла, не челнок, не шпуля. Он то и будет натягивать витки, не давая им провисать.

* * *

Первый портативный станок «НС-Е» был сделан сотрудниками лаборатории Егорова. Вскоре он по-

плыл за океан. Дальнейшее известно. Остается добавить, что история с мистером Крафтом получила свое продолжение. Многие зарубежные фирмы обратились через «Внешторг» с запросом о возможности приобретения «НС-Е». Более двухсот предприятий и институтов нашей страны также дали на него свои заказы. А в настоящее время на одном из заводов налаживается серийное производство намоточного станка Егорова.

Недавно Борис Сергеевич Егоров участвовал в первом Всесоюзном совещании бригад и ударников коммунистического труда, во время которого ему, в числе других 52 новаторов, было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

МОСКВА

Г. Джомарджидзе,
заместитель председателя
Совнархоза Грузии

ГОД СПУСТЯ

Сразу же после заседания Совета народного хозяйства ко мне подошел директор треста «Чай-Грузия» А. В. Хуродзе. Улыбаясь, спросил:

— А интересно, «Литературная Грузия» получает решения Совнархоза?

Я постарался ответить в тон:

— Не тревожьтесь, друг, у доброй вести быстрые крылья: и то, что ваш коллектив получил премию за смелое внедрение новой техники, также не останется втайне.

— Да я не о том беспокоюсь, — продолжал Хуродзе. — Просто вспомнил, что год назад журнал упрекал нас в техническом консерватизме...

— Да, это и я помню. Но кого не любят, того не ругают. И, говоря откровенно, очерк И. Мухадзе в прошлогоднем номере «Литературной Грузии» основательно взбудоражил всех нас, подтолкнул к быстрейшему решению многих насущных проблем, возникших на плантациях, чайных фабриках и в научных лабораториях.

Что же нового, полезного появилось на чайных плантациях и фабриках Грузии в 1960 году?

В середине августа центральный орган партии — «Правда» под рубрикой «Новости Грузии» сообщала:

«На Ланчхутской чайной фабрике недавно пущена в эксплуатацию сконструированная грузинскими специалистами первая в мире автоматиче-

ская поточная линия для производства зеленого байхового чая. Это позволило совершенно исключить ручной труд, значительно подняло качество выпускаемой продукции. 63 чайных фабрики республики работают сейчас с полной нагрузкой. С плантаций Грузии поступает хороший урожай. Чаеводы обещали в нынешнем году собрать рекордный урожай — 145 тысяч тонн «зеленого золота».

Но полтора месяца спустя оказалось, что 145 тысяч тонн «зеленого золота» — это уже не рекорд. Первоначальное обязательство было чаеводами пересмотрено, повышено и вскоре перевыполнено. В честь сорокалетия установления Советской власти в Грузии колхозники и рабочие совхозов собрали и сдали государству 157 тысяч тонн сортового чайного листа. Из этого сырья чайные фабрики приготовили свыше 38 тысяч тонн черного и зеленого байхового чая.

Не так давно комментатор московского радио рассказывал о том, как уже немолодая грузинская женщина, Герой Социалистического Труда Татьяна Чхаидзе побила мировой рекорд урожайности чайного листа, долгие годы принадлежавший опытной станции Цейлона. Высшим достижением ученых чаеводов Цейлона был урожай в пятнадцать тонн с гектара. Татьяна Чхаидзе сняла с

гектара шестнадцать тонн... Но и ей пришлось довольствоваться вторым местом. Другая Татьяна — Ткебучава вырастила на одном гектаре двадцать четыре тонны чайного листа. Одной из первых Ткебучава поздравила ее близкая, хотя и живущая за много тысяч километров, подруга Чжан Цин-хэ, лучший чаевод Китая.

Как знамение времени, в 1960 году родилась чудесная традиция: в первое воскресенье после окончания сбора урожая проводить народный праздник чая, праздник тружеников зеленых полей.

Итак, прошедший год (для чаеводов 1960 год — уже прошедший) ознаменовался небывалым урожаем. На фабрики обрушился мощный поток чайного листа. И с тем большей гордостью сейчас, по окончании сезона, можно сказать: работа шла на редкость слаженно, без малейших отступлений от требований технологии.

Что греха таить, раньше в подобные урожайные годы чайные фабрики зачастую вынуждены были вместо обязательного трехкратного скручивания листа применять двухкратное. Делалось это, конечно, не по злему умыслу, а по крайней нужде: роллеры захлебывались чайным листом. На роллерах стояли тяжелые прессы. По мысли технологов, прессы и должны были способствовать лучшему, наиболее полному раздавливанию клеток чайного листа (нераздавленные клетки не подвергаются биохимическим превращениям и, следовательно, не участвуют в создании вкусовых и ароматических свойств чая).

Значит, все дело в тяжести, давящей на роллеры. Но ведь и сам лист обладает весом — в роллеры его загружают сразу многими десятками килограммов, так почему же этой естественной и полезной тяжестью не заменить прессы? Группа технологов треста «Чай-Грузия» взялась за осуществление этой идеи. И что же? Результат оказался замечательным! Новшество, быть может, и не очень хитрое, позволило увеличить производственные возможности роллерных цехов более чем в полтора раза. Переведенные на самодавление роллеры стали быстрее вращаться, и, таким образом, продолжительность скручивания листа заметно сократилась.

Успех обычно прибавляет силы. Та же группа специалистов взялась за полное переустройство роллерных отделений. К чести коллектива технологов, инженеров, механиков треста «Чай-Грузия» все они, а также их многочисленные добровольные помощники — работники чайных фабрик — с увлечением трудились над тем, чтобы первая в Грузии механизированная роллерная линия получила путевку в жизнь.

Теперь на фабриках черного чая все выглядит необычно: и расстановка роллеров, и сдвоенные машины зеленой сортировки, и подвешенные к потолку монорельсы с грейферными тележками.

Первым результатом механизации роллерных отделений было увеличение мощности чайных фабрик более чем на десять тысяч тонн листа за сезон. А на многих фабриках вместо трехкратного скручивания стали применять четырех- и даже пятикратное. Что ж, против подобного отступления от требований технологии трудно что-либо возразить. Оно лишь улучшает качество готового чая. Заметим, кстати, что даже очень скромное повышение качества чая, ну, хотя бы на одну десятую балла, дает около сорока миллионов рублей дополнительного дохода!

Переустройство роллерных отделений, установка механизированных линий осуществлены на двадцати семи фабриках. В следующем сезоне то же будет сделано на остальных двадцати четырех фабриках, готовящих черный байховый чай.

А сейчас — несколько слов о проблемах, уже знакомых читателям «Литературной Грузии»: как эти проблемы решались в 1960 году, и оказались ли мы хозяевами своего слова.

Начну, пожалуй, с чаеуборочных машин. На плантациях Ингирского и Лайтурского совхозов работало сорок чаеуборочных машин ЧУ-1,6С. Это — крупный шаг в механизации работ на чайных плантациях. За один час машина собирала в Ингирском совхозе 44 с половиной килограмма чайного листа, а сборщица — два и три десятых килограмма листа. Это — только средние цифры. Производительность некоторых машин была выше.

К сожалению, только 52,9 про-

цента зеленого листа, собранного машинами, принято фабрикой первым сортом. Второе серьезное обстоятельство: в среднем каждая машина собрала с гектара 2.800 килограммов, 1.380 килограммов пришлось добирать вручную. Работа над улучшением конструкций чаеуборочных машин продолжается.

Очень хорошие результаты дали испытания роллера непрерывного действия системы А. Какалашвили на чайной фабрике в Дранда. Полностью подтвердилось предположение, высказанное на страницах журнала «Литературная Грузия». Оригинальная конструкция, предложенная Какалашвили и его молодыми помощниками из Горийского института «Автопром», оказалась намного производительнее и лучше, чем они думали. Нет ни малейшего сомнения, что роллер Какалашвили утвердится на автоматических поточных линиях для производства и черного, и зеленого чая.

На Ланчхутской фабрике с успехом продолжались испытания непрерывной поточной линии. Она отлично зарекомендовала себя. Небольших конструктивных улучшений требует только фиксационная машина системы Ацияна-Ломинадзе. Кстати, появился и совсем новый, более упрощенный вариант фиксационной машины барабанного типа, предложенный технологом Барбакадзе.

Итак, поточные линии для производства зеленого и черного чая завоевали полное признание. Все главные проблемы, связанные с ними, благополучно разрешены. Настало время давать заказ машиностроительным заводам. Конечно, нельзя так сразу — в один или два года — выбрасывать все нынешние машины, все оборудование чайных фабрик. Но бесспорно, что на новых чайных фабриках все производство должно быть переведено на поток, на автоматизированные конвейеры.

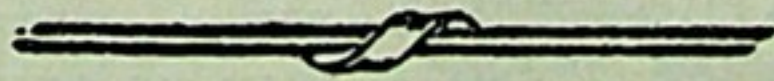
Совсем недавно Совет Министров Грузии утвердил проект строительства чайных фабрик нового типа, предложенный Институтом «Грузгипропроект». Изменится и внешний вид фабрик, отныне они будут одноэтажными, все здание будет монтироваться из сборных элементов заводского изготовления. Сроки строительства сократятся вдвое, а стоимость его уменьшится на 23 процента, и затрачено будет меньше железа и цемента.

Заслуживает внимания новая технология производства чая, по которой зеленый чайный лист после скручивания будет поступать без ферментационного цеха в чаесушильные машины, а потом подвергнется термической обработке. Это резко повысит качество чая, ибо сейчас при ферментации теряется значительное количество танина — одного из самых ценных веществ, содержащихся в чае.

Приятно отметить, что новая технология, предложенная доктором биохимических наук профессором М. Бокучава, впервые была испытана в 1957 году в Грузии. В дальнейшем такие же опыты велись в Азербайджане и Краснодарском крае. А вот дальше придется сделать горькое признание — соседи внедряют предложение Бокучава куда энергичнее треста «Чай-Грузия».

И последнее: о рациональном использовании производственных площадей чайных фабрик, которые обычно бездействуют не менее трех месяцев в году. Трудно не согласиться с решением, подсказанным журналом, — обратиться в свободные от производства чая месяцы к переработке плодов. И этой осенью Совнархоз внес в Совет Министров республики предложение поручить чайным фабрикам сушку плодов хурмы.

Деловой, острый разговор, начатый на страницах «Литературной Грузии», еще далеко не окончен, но он уже приносит свои результаты.

М. Златкин,

директор издательства
Союза писателей Грузии «Заря Востока»

О практике переводов

Обсуждение любого вопроса иной раз полезно начать с прописных истин. Известно, что от переводчика художественного произведения требуется с наибольшей полнотой передать идею, содержание, художественные особенности и национальную специфику оригинала. Это бесспорно. Так же ясны и цели переводческой работы. Еще Белинский замечательно определил, что «на переводах произведения литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собою, взаимное распространение идей, а отсюда самое процветание литератур и умственное движение...»

Но если в определении задач переводческой работы нет расхождений, то о путях претворения их в жизнь высказываются многочисленные, порой диаметрально противоположные мнения. Чтобы не впасть только в оторванное от жизни теоретизирование, нам представляется наилучшим избрать отправной точкой практику, богатый опыт работы, уже накопленный в этой области многими издательствами страны.

Остановлюсь на некотором опыте работы издательства переводной художественной литературы Союза писателей Грузии «Заря Востока». Это издательство существует давно,

и у него уже выработались некоторые приемы и методы переводческой работы.

Только за последние четыре года издательством выпущено более двухсот названий книг, переведенных с грузинского на русский язык. Общий тираж этих изданий составил 3 миллиона 700 тысяч экземпляров. Тиражи отдельных книг достигают ста, двухсот и трехсот тысяч экземпляров. Чем больше растет популярность произведений грузинской литературы, тем сильнее наша ответственность за качество переводов, ответственность перед широким форумом читателей. Этим и объясняется, что за последнее время так широко проводилось обсуждение вопросов художественного перевода, в том числе и на страницах журнала «Литературная Грузия».

Что, собственно говоря, вызывает тревогу и главное затруднение в практике работы над художественным переводом? Это опасность искажения переводчиком текста оригинала, снижения высокого мастерства, с которым он написан.

Трудности начинаются с отбора произведения для перевода. Безошибочно решить, какое именно произведение заслуживает быть переведенным на другой язык — весьма сложная часть работы. Может показаться, что мы ломимся в открытую дверь, — ведь переводу подлежат только самые лучшие произведения, — и все же практически это очень и очень

Из материалов Всесоюзного совещания по вопросам художественного перевода, состоявшегося в Москве в октябре 1960 г.

«сложно. Нужно прямо сказать, что не всегда удачно мы отбираем то или иное произведение для перевода.

В своей практике издательство применяет различные формы переводческой работы: тут и подстрочник, и перевод прямо с оригинала (в поэзии), перевод только с оригинала (в прозе). Переводчик, хорошо владеющий обоими языками, переводит один. Переводчик, недостаточно уверенный в своем совершенном знании русского художественного слова, но хорошо знающий, тонко чувствующий грузинский язык, работает вместе с русским литератором. Такая совместная работа, когда русский литератор выступает не только как стилист, но и как сопереводчик, гарантирует (конечно, не полностью) от привнесения отсебятины. Этой формой пользуются некоторые из переводчиков (и опытных, и начинающих), привлеченных нами к работе.

Наиболее жизненным и перспективным мы считаем метод, по которому перевод сделан непосредственно с оригинала. Именно так работает большая группа переводчиков. Это Елена Гогоберидзе, Фатма Твалтвадзе, Ната Чхеидзе, Нина Долидзе, Элизбар Ананишвили, Бидзина Абуладзе, Михаил Квливидзе, Арчил Джапаридзе, Николай Аккерман, молодой русский писатель, живущий в Грузии, Михаил Лохвицкий, Вадим Михайлов, Борис Гасс и многие другие литераторы.

Надо стремиться к тому, чтобы число таких переводчиков из года в год увеличивалось и качество их работы повышалось. Для этого имеются все возможности, и их надо широко использовать. Новые кадры переводчиков можно подбирать из выпускников наших высших учебных заведений. Большие надежды мы возлагаем на недавно организованную в Москве кафедру художественного перевода при литературном институте имени А. М. Горького.

Однако надо признать, что кадры переводчиков, именно переводчиков, владеющих языком оригинала, а не ремесленников, еще малочисленны.

Мы всячески поощряем совместную работу автора с переводчиком и поэтому считаем, что, как правильно отметил в своей недавней статье Лев Озеров, «переводы — задача и забо-

та не только тех, кто переводит, это кровное дело и тех, кого переводят».

Нужно отметить, что и многие грузинские писатели, например, Константин Гамсахурдиа, Лео Киачели, Акакий Белиашвили, Демна Шенгелая, Александр Кутатели и другие много внимания уделяют совместной работе с переводчиками, и это благотворно сказывается на качестве переводов их произведений.

Подавляющее большинство грузинских писателей хорошо владеет русским языком и может во многом помочь переводчикам.

В нашей практике мы имеем замечательные примеры дружеского и товарищеского общения грузинских и русских поэтов. Работая над переводами грузинской поэзии, автор и переводчик предварительно зачитывали произведение на родном языке, переводчик чутко вслушивался в музыку, ритм поэтической речи оригинала, затем они обсуждали подстрочник, автор беседовал с переводчиком об идее, характере и эмоциональном строе своего стихотворения. Лучшие переводы Николая Тихонова, Николая Заболоцкого, Бориса Пастернака, Павла Антокольского, Владимира Державина, Александра Кочеткова, Арсения Тарковского, Александра Межирова создавались именно в таком тесном общении автора и переводчика.

С большим удовлетворением мы должны отметить, что эта традиция и сейчас имеет своих продолжателей — Михаила Луконина, Евгения Евтушенко, Марка Максимова, Елену Николаевскую, Ирину Снегову, Беллу Ахмадулину и многих других.

Грузинская общественность неоднократно выражала им признательность и большую братскую благодарность.

Со своей стороны издательство отметило их труд выпуском авторских сборников переводов как произведений классиков грузинской поэзии, так и современных поэтов. Были изданы: двухтомник переводов Заболоцкого, сборники Николая Тихонова, Бориса Пастернака, Александра Межирова, Евгения Евтушенко. В перспективных планах выпуск таких сборников: Павла Антокольского, Александра Кочеткова, Елены Николаевской.

Но, к сожалению, до сего времени, нам не удалось (за небольшим исключением) привлечь к работе над переводами прозы и драматургии выдающихся мастеров русской художественной прозы.

Если бы по примеру лучших московских поэтов-переводчиков прозаики и драматурги приняли бы непосредственное участие в работе нашего издательства как переводчики, редакторы, консультанты, то качество переводов грузинской художественной прозы и драматургии безусловно повысилось бы.

В принципе допуская применение подстрочника в поэтических переводах (учитывая их своеобразие), мы категорически отвергаем перевод прозы по подстрочникам, ибо он влечет за собой неизбежные погрешности, отсебятину, резкое несоответствие с замыслом автора (исключая случаи совместной работы переводчика с автором).

И тут следует сказать о редактировании. Во всех случаях переводы требуют очень тщательной, кропотливой и добросовестной редакции. Но, к сожалению, в спешке и гонке, которые в практике работы издательств довольно часты, мы недостаточно внимательно и требовательно подходим к этому серьезному и важному делу. Нужно хорошо знать, любить культуру, историю народа, литературу которого переводишь. Большим плюсом в работе переводчиков, связанных с нашим издательством, является хорошее знание ими истории, культуры, литературы грузинского народа.

Мы с большой благодарностью вспоминаем ту плодотворную лите-

ратурно-редакторскую работу, которую проводил покойный Виктор Викторович Гольцев.

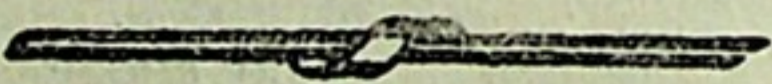
За последнее время при обсуждении вопросов переводческого труда не раз высказывались мнения, что этот труд не вполне творческий, что переводчик — не писатель, что для переводчиков надо создать особый союз и т. д.

Не отсюда ли проистекают и изменения в оценке труда переводчиков, нашедшие свое отражение в новом тарифе, утвержденном по РСФСР? Если автор за второе издание получает 60 процентов гонорара, то переводчик — только 50. Если автору за третье издание причитается тоже 60 процентов, то переводчику — лишь 40. За шестое и седьмое издания автор может получить 25, а переводчик всего 15 процентов.

Почему же автор и переводчик поставлены не в одинаковые условия? Ведь если произведение имеет успех, то это в равной мере заслуга и автора и переводчика, давшего его произведению жизнь на другом языке.

Не сделан ли здесь шаг назад в борьбе за улучшение условий работы переводчика и за повышение ее качества?

В заключение хочется еще раз сказать, что основным условием улучшения качества переводов мы считаем тесное творческое содружество автора оригинала, переводчика, владеющего языком оригинала, и русского литератора, работающих совместно. Такое содружество, практически вполне осуществимое и перспективное, дает и будет давать положительные результаты.

Б. Пайчадзе,
заслуженный мастер спорта СССР

ГОДЫ И МАТЧИ

Окончание

Тегеран покоряет своим неповторимым колоритом и... разочаровывает. Очень красива центральная улица города — Лелязар. Резко контрастируют с ней окраины с земляными домишками — безлюдные днем, когда простой люд занят работой, и рано отходящие ко сну. Здесь, это, впрочем, бич всего Ирана, очень плохо с водой. Воду пьют любую, даже из канав. Мы много ходили по городу, беседовали с разными людьми. Они проявляли живейший интерес к нашей стране, относились к нам дружески, просто.

Но как-то мы попали в одну из больших мечетей. Молла, узнав, что имеет дело с «неверными», поспешно уклонился от рукопожатий. Он с жаром рассказывал о Шах-Аббасе, но словно воды в рот набрал, когда ему задали вопрос:

— Георгия Саакадзе вы тоже хорошо знаете?

Возможно, с нашей стороны это было ненужным озорством. Только очень уж не понравился нам этот служитель пророка после приветливых и доброжелательных простых людей.

Наш первый матч с иранскими футболистами закончился со счетом — 5:1. Зрители «болели» вовсю. Один из них, верзила с огромной черной бородой, в чалме потрясающих размеров, буквально

ошеломил нас. Приставив ко рту широченный рупор, он непрерывно издавал воинственные вопли, оглушая весь стадион. Потом выяснилось, что бородач просто стремился вселить в иранских игроков дух бодрости. Он кричал, обращаясь к патриотическим чувствам футболистов, примерно следующее:

— Что же вы, славные сыны Ирана, ползаете, как сонные мухи?! Не посрамите честь могучего иранского льва! Куда ты бьешь, чтоб тебе не увидеть Эдема!! Вперед!

Соседи не мешали ему, по всей вероятности из почтения перед его красноречием. Справедливости ради скажу, что, в общем, порядок на матчах был отменный.

Двадцать седьмого октября из загородной резиденции бывшего шаха, любезно отданной в наше распоряжение, кавалькада американских «Виллисов» доставила команду в Тегеран. Мы выстроились перед входом в раздевалку, и молодой шах Ирана, сопровождаемый советским послом, приветливо поздоровался с каждым. Разминаясь перед началом встречи, краем глаза видя правительственную ложу, мы заметили шаха с супругой, советского посла и находившегося тогда в Иране заместителя министра иностранных дел СССР С. Кавтарадзе; придвор-

ные же, министры, высшие военные чины стояли позади.

Игра прошла довольно бледно — наше преимущество было слишком очевидным. Из семи забитых нами мячей судья засчитал лишь четыре. Вечером, на ужине, который состоялся в нашу честь, он откровенно признался:

— Я не мог поступить иначе. Ведь я — тренер сборной Ирана. Если б вы победили с таким большим счетом, меня бы тут же прогнали со службы. А это значит остаться без куска хлеба.

Могли ли мы на него обижаться?

Повторяю, в Иране нас принимали очень хорошо. Возможность всюду побывать, все увидеть, принесла нам множество незабываемых впечатлений; одно из них врезалось в память навсегда. Мне и моим товарищам довелось переступить порог комнаты, где в дни исторической Тегеранской конференции обсуждали судьбы мира руководители трех великих держав — Сталин, Рузвельт, Черчилль.

Хотя в развитии футбола Иран стоял ниже нашего уровня, необходимо отдать должное местным спортсменам: они настойчиво искали возможности встретиться с нами на поле. Мы не отказывались — играли со всеми, от кого получали вызов. Так, например, провели матч с командой Иранской военной академии. Здесь имел место весьма курьезный случай. Оказалось, футбольное поле академии почему-то значительно длиннее установленных размеров. И вот стремительно бежит к воротам противника наш левый край Харбедия... Бежал, бежал, занес уже ногу для удара, ибо, по привычному расчету, должен был находиться в самой выгодной для этого точке, — и остановился, пораженный: до штрафной площадки еще далеко. Тогда, изумленно вытянув вперед шею, Харбедия приложил козырьком ладонь ко лбу и возмущенно крикнул на все поле:

— Да где же, наконец, эти проклятые ворота?!

В Тегеране нам пришлось играть не только в футбол. Иранцы предложили померяться силами на баскетбольной площадке и, разумеется, получили согласие. В их составе играло несколько американских солдат — неплохих спортсменов. Однако нас это мало смущало: были баскетболисты и среди тбилисских динамовцев. Недаром команда, укомплектованная нашими футболистами, участвовала в баскетбольном первенстве Тбилиси 1944 года и заняла второе место среди команд второй группы, а в товарищеской встрече с первой сборной Баку одержала победу с перевесом в три очка.

Иранцы стали навязывать медленный темп — наше физическое преимущество было бесспорным. Зато сбивали с толку некоторые еще неизвестные нам нововведения в правилах. Короче говоря, встречу мы проиграли с разницей в один-единственный гол.

Вечером министр обороны дал большой ужин. На нем присутствовали представители высших правительственных и военных кругов. Однако обстановка сложилась непринужденная, дружеская. Когда, под аккомпанемент оркестра, иранцы спели несколько своих песен, мы решили показать им искусство нашего народа. Пели, танцевали. Особым успехом пользовался Гриша Гагуа — он оказался непревзойденным танцором. А Михаил Бердзенишвили начал плясать «Багдадурри» и заставил выйти в круг долгового Бориса Фролова, который выделял немыслимые пируэты. Много смеялись. Даже наш гостеприимный хозяин не выдержал, танцевал вместе с нами.

На крытых брезентом, тоже американских, грузовиках мы выехали в Тавриз. Предполагалось, что, проведя встречи с местными футболистами, команда возвратится на Родину железной дорогой — через Леникан и Ереван.

«Студебеккеры» находились в пути целый день — с рассвета до позд-

ней ночи. Дорога была трудной. Из глубоких рытвин разбитого, иссушенного зноем шоссе поднимались белые тучи пыли. Пыль лезла в глаза, ноздри, за ворот. Нигде не встречалось воды. Жажда мучила невероятная, нас не покидало ощущение, что сухо не только во рту, а даже, кажется, под кожей... Досыта наглотавшись пыли, усталые, избитые непрекращавшейся тряской, мы с облегчением вздохнули на ночных улицах Тавриза.

Игру с местной командой при всем желании нельзя было назвать серьезным матчем. Нам ведь пришлось даже «одолжить» противнику трех своих игроков — у иранцев не хватало футболистов. Теперь мы уже отлично разбирались в причинах такого положения. Футбол в Иране не был массовым видом спорта. Он являлся привилегией знатной молодежи, чем-то вроде изысканного развлечения юношей из аристократических семей. Например, мой непосредственный противник — центральный защитник сборной Ирана, очень, кстати, общительный и располагающий к себе человек, — владел целой кучей деревень и поместий. Естественно, при таких условиях иранцам было далеко до нас — футболистов из страны, где спорт — достояние миллионов.

Поездка в Иран была очень интересной. Она принесла нам обилие ярких впечатлений. Самое ценное из них — уверенность в том, что люди всего земного шара, как бы различны ни были их взгляды, могут и должны жить в дружбе. Не забудьте: это убеждение мы вынесли из поездки, состоявшейся в дни, когда в мире еще полыхали зарницы второй мировой войны.

5

Декабрь 1945 года. Мы томимся на одесском аэродроме. Ветер с моря волочит по небу тяжелые тучи. Ветер завывает за окнами гостиницы и, стоит высунуться за дверь,

бросает в лицо хлопья мокрого снега. Мы нетерпеливо спрашиваем дежурного:

— Когда полетим дальше?

Он виновато поднимает глаза вверх: погода! Ничего не поделаешь...

Нас такие рассуждения утешали мало. Настроение и без того было не из веселых.

Война отгремела. Земля возвращалась к мирной жизни. В год победы состоялось после четырехлетнего перерыва очередное первенство страны по футболу. Вновь встретились в больших состязаниях друзья-товарищи из разных городов Советского Союза, спортсмены разных команд. Многих на этой переключке не досчитались — война не знала пощады. Первенство прошло вяло, все играли ниже прежнего уровня. Сказался четырехлетний перерыв, сказались потери. Соревнования закрылись, а нам хотелось, больше, чем когда бы то ни было, играть и играть. Нас тревожило властное желание доказать себе, всем на свете, что мы еще способны выйти на поле во всеоружии спортивной подготовки, что вынужденный перерыв не убил в нас футболистов. Очень кстати пришло приглашение от АРЛУС — румынского общества дружеских связей с СССР — приехать в Бухарест на товарищеские матчи с местными командами. Сейчас мы сидим на одесском аэродроме, ждем у моря погоды...

Не знаю, как это удалось ребятам, но они сумели уговорить пилотов лететь. Думаю, после непрестанных опасностей военной жизни летчиков и самих раздражала необходимость сидеть на земле из-за такой «мелочи», как нелетная погода. Предсказания пессимистов не оправдались — мы благополучно сели в столице Румынии.

Говорят, в продолжение сорока лет здесь не случалось такой суровой зимы. Первую игру мы провели на весьма своеобразном покрове — ледяном насте, который лежал по всему полю бухарестского стадио-

на. Эту встречу с железнодорожной командой «ЧФР» мы выиграли со счетом 2:1. Из-под смерзшегося снежного слоя нахально смотрели следы засыпанных воронок от бомб.

С довольно странным, хотя и победным, счетом — 10:5! — закончился матч против команды «Ювентус». Несомненно, все еще давали себя знать бреши в технической и тактической подготовке, нанесенные коллективу войной.

В Румынии есть город Тимошуара. Его основное население — венгры. Узнав о нашем приезде, футболисты города поспешили в Бухарест и вызвали нас на встречу. На эту команду наши хозяева возлагали особые надежды, рассчитывая хотя бы здесь взять реванш. Тренер тимошуарцев даже предсказывал:

— Выиграем у вас... ну, со счетом 3:1, не меньше!

Мы одержали победу с большим преимуществом в пять голов.

Однако самое большое удовлетворение суждено было нам испытать от встречи, которая... не состоялась. В Румынии первое время после войны оставались довольно сильными элементы буржуазно-монархического строя. Один из крупнейших аграрных магнатов страны содержал на свои средства команду футболистов-профессионалов. Их-то мы и пригласили сыграть с нами. Но профессионалы вызова не приняли.

Новый, 1946 год, спортсмены тбилисского «Динамо» встретили в стенах «родного дома» — Советского посольства — и третьего января вылетели на Родину.

Возможно, эти рассказы о поездках грузинских футболистов за границу покажутся несколько однообразными. Мне хотелось сделать их поподробнее, потому что визиты в Иран и Румынию были первым знакомством динамовцев Тбилиси с ареной зарубежного спорта. Они многому нас научили, дали возможность лучше разобраться в своих ошибках и укрепили уверенность в себе. 1945-46 годы вообще следует

считать порою успешных выступлений советских футболистов за границей. В то время, как мы были в Румынии, команда ЦДСА посетила Югославию, торпедовцы играли в Болгарии, а динамовцы Москвы совершили триумфальное шествие по Англии, где одержали ряд трудных побед. Да, это был период важных успехов советского футбола на международной арене. Нас узнали в Европе и, узнав, поняли, что мы требуем к себе уважения.

Безусловно, приходилось переживать и горечь неудач. В 1946 году в нашу страну приехала одна из сильнейших команд Европы — югославский «Партизан». К встрече с ней мы готовились две недели: выдерживали режим, тренировались, отдыхали. Немалый срок, если учесть, что были перенесены даже предстоявшие нам календарные встречи в первенстве страны. Факты показали ошибочность такого решения. Ведь, выключившись на две недели из участия в ответственных, требующих полного напряжения сил, матчах, мы невольно утратили собранность, выбились из ритма, «потеряли свою игру».

На играх «Партизана» в Москве присутствовать тбилисским динамовцам не пришлось. Накануне матча приехавшие из столицы товарищи многое рассказали нам об особенностях этой команды, стараясь помочь хоть этим. Они же оказали нам услугу, которую не назовешь иначе, чем «медвежьей» — по своему усмотрению провели ряд изменений в составе и расстановке сил команды. Мои возражения не достигли никаких результатов. Встречу с югославскими футболистами мы провели много ниже своих возможностей и проиграли — 1:2. Иначе быть не могло: наспех произведенная перестановка не замедлила отрицательно сказаться на согласованности действий игроков, ослабила защиту, лишила боеспособности нападение, выбила команду из присущего ей стиля игры.

Поражения приносили горечь

обиды, но они учили не повторять ошибок в будущем.

В том же, 1946 году, команда тбилисского «Динамо» встретилась со своими московскими одноклубниками и выиграла со счетом 3:2. Тогда же, в третий раз начиная с 1936 года, мы вышли в финал розыгрыша кубка СССР. Кубок в очень упорной борьбе, играя в добавочное время, пришлось уступить московскому «Спартаку». А через год, вновь борясь за кубок страны, встретились с торпедовцами.

Выходя в этом матче на поле, я никак не мог подозревать, что вступаю в заключительную стадию своей жизни в футболе. Сложная травма, — разрыв связки, — полученная во встрече со «Спартаком», более чем на два года вывела меня из игры.

Я мог ходить — и не мог играть. Двухгодичное лечение совершенно не имело успеха. Наконец я попал в руки известного хирурга профессора Абрама Моисеевича Ланда. Этот чудодей возвращал к жизни и труду людей, искалеченных войной. Среди физкультурников он прославился как непревзойденный мастер «по ремонту» травмированных спортсменов. В одной палате со мной лежал неоднократный чемпион страны по борьбе — бакинец Рашид Мамедов. Он говорил:

— Профессор чудеса делает. Он и тебя вылечит, увидишь!

Ланда долго не решался на операцию: такого случая — замены разорванной связки — в хирургической практике тех лет еще не встречалось. Наконец он сказал:

— Сегодня.

Никогда не забуду, как бережно, словно за ребенком, ухаживали за мной товарищи по палате. Каждый старался поддержать добрым словом и преувеличенно бодрым видом. Так мы относились ко всем, для кого наступала очередь «идти под нож».

Операция длилась два часа. В палату меня привезли еще полупьяным от наркоза, и, увидев склонив-

шееся озабоченное лицо профессора, я громко велел воображаемому официанту:

— Принесите вина!.. И закусьте! Мы с Абрамом Моисеевичем еще ни разу вместе не сидели...

Потом мне все это рассказал сам профессор. Тогда же он признался:

— Не верил я, дорогой, что после операции вы сможете играть в футбол. Не бывало еще такого после подобной травмы.

Вскоре после моей первой игры я получил от Ланда открытку с поздравлением. Он, оказывается, слушал репортаж о матче по радио и был очень рад узнать, что его пациент вернулся в футбол. Моя дружба с профессором продолжается и сегодня. Абрам Моисеевич Ланда — из числа тех замечательно обаятельных, по-настоящему хороших людей, с которыми мне посчастливилось встретиться в жизни.

И все-таки я понимал: мой путь в футболе подходит к финишу. Если спортсмену-юноше придется отказаться от тренировок на год-два, даже ему нелегко потом вернуть былую форму. Когда же такое случается с человеком, которому за тридцать, — ничего не поделаешь. Наступала молодежь. В команду пришли Ниязи Дзяпшипа, Карло Гагнидзе, Автандил Чкуасели, Владимир Маргания. В 1952 году меня назначили начальником команды тбилисского «Динамо». Так начался мой новый путь в спорте — путь организационного работника. Очень скоро пришлось убедиться, что такая работа — не из легких. Когда, назначенный председателем городского комитета по физкультуре и спорту, я приступил к исполнению своих обязанностей, у меня не было никаких иллюзий. На лицах моих новых подчиненных без труда читалось: «Футболистом ты был хорошим, мы прекрасно знаем и уважаем тебя за это. А вот руководить спортивной жизнью целого города — не мяч по полю гонять. Поглядим, что у тебя здесь получится...».

Я собрал всех и сказал:

— Человек я новый. На такой работе никогда не был и не знаю ее. Поэтому жду помощи от вас.

Создалась атмосфера взаимного понимания, дружеской прямоты, доверия друг к другу. Прошло время, и новая работа увлекла меня, заинтересовала своей многогранностью, полюбилась необходимостью постоянно встречаться с людьми. Затем я проработал некоторое время на посту председателя Республиканского Совета бывшего добровольного спортивного общества «Медик», а с 1955 года мне доверили руководство ДСО «Буревестник». Это общество — организатор студенческой спортивной жизни. Оно же, как известно, занимает ведущее место во всем массово-физкультурном движении в республике. Работа беспокойная, требующая уймы энергии и времени, но — интереснейшая. И нередко, планируя очередные соревнования, беседуя с молодыми, обдумывая новые мероприятия, «болея» за своих на каких-либо состязаниях, я, право же, испытываю знакомое каждому спортсмену радостное волнение от мысли: ты — на переднем крае борьбы, от тебя зависит исход схватки, не жалеешь ли сил — и победа будет нашей... Разные пути мы выбираем в жизни, но радость, которую приносит нам одержимость любимым делом, — всегда одинакова.

6

В наши дни, в среде людей, интересующихся футболом, нередко можно услышать один и тот же вопрос:

— Когда играли лучше? Сильнее ли футболисты сегодняшнего дня тех, кто находился в зените славы лет пятнадцать тому назад?

И чаще всего на это отвечают по-разному:

— Да, сейчас уровень игры выше. Подумайте только, как много нового появилось в тактике!

— Что вы, разве технику ны-

нешних футболистов можно сравнить с подготовкой «старичков»?

На основе опыта своего собственного спортивного прошлого, а также наблюдений за рядом крупнейших матчей, у меня сложилось твердое мнение по этому вопросу.

Я убежден, что пятерка нападения команды ЦДСА, которая играла в 1945—1947 годах, значительно превосходит нынешнюю. Речь идет, прежде всего, о технике владения мячом, да и обо всем комплексе данных, необходимых игроку высокого класса. Наши армейцы до сих пор не смогли найти достойную замену Гринину, Николаеву, Федотову, Боброву, Демину... В аналогичном положении находятся и динамовцы Москвы. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что глубоко уважаемый мною тренер динамовцев Михаил Иосифович Якушин с величайшим удовольствием взял бы в свой коллектив таких замечательных футболистов, как Трофимов, Карцев, Сергей и Алексей Соловьевы, Бесков, Блинков. Бесспорно: спортсмены, играющие на их уровне, значительно укрепили бы и состав сборной команды страны; ведь совершенно очевидно, что советский футбол не имеет сегодня форварда, равного покойному Григорию Федотову. Как ни печально признавать это, я должен сказать: ныне уже сошедшие с арены большого футбола мастера превосходили сегодняшнее поколение и в технической подготовленности.

Мне вспоминается Жюль Лимбек — чех, футболист высокого класса, игравший в свое время в составах сильнейших европейских команд. Короткое время — меньше года — Лимбек тренировал нас, тбилисских динамовцев. В первые же дни он заявил:

— В вашей команде почти никто не умеет бить по воротам. Да, да, не умеет! Разве это удар?

Он был прав. Завершающий, точный, рассчитанный, сильный удар представлял слабое звено на-

шего коллектива. Случались моменты просто позорные: обведя противника ценой огромных усилий, мы теряли мяч в нескольких метрах от ворот, потому что не решались бить на расстоянии. Или же нападающий, стараясь действовать наверняка, влетал в сетку вместе с мячом.

За несколько месяцев Жюль Лимбек «поставил» удар не только нападающим, он заставил овладеть им и защитников. Все это я рассказал только для того, чтобы еще раз подчеркнуть: футбол — прежде всего техника, прежде всего мастерство владения мячом.

Нет смысла — в который раз! — подробно останавливаться на анализе состоявшегося в 1958 году VI первенства мира по футболу. Об этих состязаниях крупнейшего масштаба очень много говорилось в нашей спортивной прессе. Впервые участвуя в мировом первенстве, советские футболисты выступали в Швеции неудовлетворительно. Убедительнее любых слов результаты шведских игр показывают, что футбол сегодняшнего дня немыслим без тщательной технической подготовки. За прошедшие десятилетия своей истории этот вид спорта достиг необычайных высот тактической сложности, и пользоваться тактикой сегодняшнего футбольного матча может только игрок лучшего класса, в совершенстве владеющий мячом. Не будем бежать от правды: минувшее первенство мира выявило отставание нашего футбола, не достигшего еще уровня технических данных ведущих зарубежных команд. Виною тому — рецидивы вредных «теорий» прошлого, доходивших в своем благоговении перед коллективными началами в футболе до отрицания роли индивидуального воспитания игроков. Отрадно возникшее за последние годы новое веяние — огромное внимание и в детском, и в юношеском, и в большом футболе у нас к шко-

ле техники. Надо только, чтобы эта работа углублялась и ширилась с каждым днем, ибо в противном случае нам, без сомнения, придется и на предстоящем VII чемпионате мира в 1962 году.

Раз зашла речь о технике, необходим серьезный разговор о детском и юношеском футболе. Но сначала давайте разберемся в кое-каких цифрах. Они отражают уровень, на котором выступали в продолжение ряда лет динамовцы Тбилиси.

Начиная с 1936 года, когда, завоевав право на участие в соревнованиях команд класса «А», мы впервые заняли призовое место, футболисты тбилисского «Динамо» прошли следующий путь.

Второе место в стране завоевано четыре раза: в 1939, 1940, 1951, 1954 годах.

Третье — пять раз: в 1936, 1946, 1947, 1950, 1959 годах.

Четвертое — четырежды: в 1937, 1945, 1948, 1953...

Итак, остается признать: в последние годы наши футболисты значительно ослабили свои позиции. Я слышу вопрос многих тысяч любителей популярнейшего у нас вида спорта:

— В чем же причины?

На мой взгляд, ответ может быть один: причина — в недостаточном развитии детского футбола в республике.

Я рассказывал, как прошло наше спортивное детство. Мы играли в футбол, баскетбол, водное поло, мы плавали и прыгали с вышки, увлекались греблей, бегали наперегонки, и лазали по деревьям. К нашим услугам были яркое солнце, прозрачная вода и чистый воздух. Мы располагали всем, кроме умных, знающих свое дело, вдумчивых руководителей. Не имея представления о режиме, мы руководствовались собственными ощущениями — уставая гонять мяч, заменяли отдых греблей, окоченев в холодной весенней воде, находили тепло в движении. Мы любили спорт бессозна-

тельно и занимались им, побуждаемые естественной потребностью. Тем не менее поколение, выросшее в те годы, подарило республике и стране плеяду замечательных футболистов.

Сегодня — иное положение. В Грузии существует ряд детских футбольных школ, работа которых построена на научной основе. Детским футболом руководят знающие, опытные люди, вооруженные специальной спортивно-педагогической подготовкой. А обеспечивают ли эти физкультурные учебные заведения достойную смену «большому футболу» республики? К сожалению, нет. Не будь это очевидным, совершенно невероятным показалось бы положение, создавшееся в наших классных командах. Приходит пополнение — молодые, порою весьма способные игроки, глядя на которых хочется увидеть потенциальных виртуозов мяча. И вдруг выясняется, что новичок, уже принятый в состав команды мастеров, не умеет обвести противника, не умеет играть головой, бить с левой ноги. Если же эти навыки и есть, то в них поражает какая-то нарочитость, неестественность. Парень, демонстрирующий то, чему научили его в детской и юношеской футбольной школе, выглядит человеком в костюме с чужого плеча. Приходится такую молодежь учить «на ходу», вырабатывать недостающие им качества здесь же, в команде. Я бы сравнил команду мастеров с аспирантурой — здесь не учат основам наук, здесь оттачивают, шлифуют знания. Следовательно, очень неверно, что воспитание члена классной команды приходится зачастую начинать с азав.

Почему же так получается? Да потому, что многие преподаватели школ, скрупулезно придерживаясь утвержденных программ воспитания и подготовки юных футболистов, забывают о самом важном — о развитии индивидуальных, самобытных дарований, заложенных в ребенке природных данных.

Детям исправно показывают методические кинофильмы, запечатлевшие арсенал технических и тактических приемов прославленных мастеров мяча. Им подробно рассказывают, как играл тот или иной ведущий футболист, а затем настоятельно требуют, чтобы подросток играл так же. Подражание! Что может быть пагубнее его в футболе. А поскольку юным спортсменам велят подражать не какому-либо одному игроку, «натаскивают» их по насильственно собранной из различных стилей системе, то в силу вступает другой страшный враг спортсмена — «обработка под шаблон».

Двух одинаковых футболистов (я имею в виду настоящих футболистов) в мире не найти. У каждого — своя манера игры, собственный стиль, своеобразный, неповторимый «финт». То, что восхищает нас в любимом игроке, исходит именно из его индивидуальности, особенностей его дарования. Забывая все это, в наших футбольных школах нередко вытравливают из паренька именно присущее ему от природы своеобразие. Следует учитывать и другой весьма важный фактор. Рамки, какого бы рода они ни были, не так пагубны для взрослого человека. Взрослый свыкся с дисциплиной, его личность уже сложилась, ее нелегко деформировать постоянным гнетом различных требований. Ребенок же признает один закон — то, что кажется ему естественным. Разумеется, я не против дисциплины. Однако мне хочется резко возразить против насилия над юным дарованием, которое раскрывается до конца только на свободе. Малыша, родившегося с математическим складом ума, нельзя заставлять учиться музыке, вызывающей у него лишь скуку. Пайчадзе никогда не смог бы играть, как Федотов, а Федотов — как Пайчадзе, и вынуждать их к этому значило бы погубить обоих как футболистов. Поэтому педагогу, заметившему, что один из его воспитанников «упорно»

выполняет удар или бросок вопреки указаниям программы, не надо приходить в ужас. Напротив, необходимо предоставить малышу полную свободу. Пусть он делает что надо так, как у него получается.

Вернусь опять-таки к нашей футбольной юности. Мы гоняли тряпичный мяч шести-семилетними карапузами. В 15—16 лет каждый из нас сформировался как футболист. Здесь нет преувеличения. Понятно, нам предстояли еще годы тренировки, недоставало опыта, знаний, тактического мышления, но у каждого уже сложилось вполне определенное футбольное «я». Нам предстояло не становиться игроками, а совершенствоваться. Это же, как известно, совсем разные вещи. Кстати, здесь уместно затронуть вопрос, который волнует большинство руководителей детского и юношеского футбола. В каком возрасте ребенку следует начинать играть? На этот счет существует вполне определенное мнение: лет с тринадцати — четырнадцати. Мне кажется, вопрос поставлен не совсем правильно. Вернее было бы спросить, когда ребенок начинает играть. Потому что, не считаясь с выкладками теоретиков, он делает первый шаг в футболе, поддев на улице пустой коробок из-под спичек или бегая за мячом по дорожке парка. Если он рожден футболистом — значит, будет играть в любую свободную минуту. Если нет — не станет игроком, хоть в десяток школ его определяйте.

Таким образом, в футболе, как и в любом другом виде спорта, «святая святых» успеха, движения вперед — в массовости.

Детские и юношеские футбольные школы — это очень хорошо. Но они не могут вместить всех желающих. Особенно это относится к таким городам, как Сухуми, Батуми, Поти, Очамчире, Кутаиси. А уж о тех районных центрах, где школ нет, и говорить не приходится. С детским футболом там дело обстоит из рук вон плохо. Между тем, именно рай-

оны Грузии в наше время ^{были} неиссякаемым источником, ^{пита-}вшим классные команды резервами. Именно из районов приходили в «большой футбол» талантливейшие игроки.

Мне кажется, выход прост. Он заключается в том, чтобы создавать как можно больше футбольных полей, площадок. Пусть они не будут оборудованы по всем правилам, главное — их должно быть много. Тогда дети станут играть в футбол всюду — в самых отдаленных уголках республики. Ведь футбол — это такая игра, у которой всегда хватит почитателей. И дайте детям возможность — хотя бы на первых порах — играть, как они захотят, а уж потом, когда сложатся «почерки» наиболее способных, раскройте перед ними арсенал богатейших возможностей современного футбола.

Возможно, не все со мной согласятся. Что ж, я только высказал свое мнение. Я убежден: лишь на основе бурного развития детского футбола, который даст постоянный приток свежих сил в классные команды, возможно уверенное движение вперед. Разве можно мириться с нынешним положением, когда ни одна из наших команд не в состоянии предложить своего кандидата в состав сборной республики? Ведь у нас имеется целых пять команд класса «Б»! Бедна на сегодняшний день и сборная страны.

У советских футболистов есть замечательно ценные качества, которых не достает многим сильнейшим зарубежным командам. Это — скорость в беге, выносливость, стойкость и — главное — несокрушимая воля к победе. Надо, чтобы непрерывной стала эстафета поколений лучших игроков. Необходимо всемерно поднимать техническую подготовку. Тогда не найдется в мире команды, которая могла бы устоять против наших спортсменов.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Журнал

„Литературная Грузия“

Знакомит читателей с лучшими произведениями писателей и поэтов Грузии, печатает повести, рассказы и стихи писателей Москвы, Ленинграда, братских республик Советского Союза, а также наиболее интересные произведения прогрессивных зарубежных писателей.

В 1961 году редакция журнала «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» предполагает опубликовать произведения:

А. Белиашвили, Р. Бежанишвили, К. Гамсахурдиа, Т. Гоголадзе, О. Дгебуадзе, М. Джавахишвили, Г. Дзугаева, Р. Инанишвили, О. Иоселиани, Э. Кипиани, С. Клдиашвили, А. Кутатели, М. Лохвицкого, М. Мревлишвили, Ю. Нагибина, Г. Натрошвили, С. Сартакова, Э. Фейгина, Г. Чиковани, Д. Шенгелая, М. Элиозишвили, И. Эренбурга и других прозаиков.

Новые стихи и поэмы:

Г. Абашидзе, И. Абашидзе, П. Антокольского, Б. Ахмадулиной, Х. Берулава, Е. Винокурова, Гафеза, А. Гомиашвили, И. Гришашвили, Е. Евтушенко, К. Каладзе, А. Каландадзе, М. Кахидзе, Н. Киласония, Г. Леонидзе, Р. Маргиани, С. Маршака, М. Мачавариани, А. Мирцхулава, Е. Николаевской, И. Нонешвили, И. Снеговой, И. Тарба, Н. Тихонова, Ф. Халваши, С. Чиковани, С. Шаншиашвили, Б. Шинкуба, С. Эули и др.

По разделу критики и публицистики:

Состоится дискуссия о современном грузинском рассказе.

Будут напечатаны: очерк И. Абашидзе «Америка с первого взгляда» и другие путевые очерки,

критические статьи и рецензии Б. Жгенти, Л. Каландадзе, С. Чилая, Г. Маргвелашвили, В. Огнева, Ю. Суровцева и др.

В разделе «Сатира и юмор» читатели найдут фельетоны, сатирические рассказы, пародии и басни, карикатуры и шаржи.

В отделе — «Спорт» — будут помещены очерки и статьи о лучших спортсменах республики и наиболее крупных соревнованиях.

ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРОВАН

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ!“

Подписка принимается во всех отделениях «Союзпечати».

Подписная цена: на год — 48 руб. (с 1/1 1961 г. — 4 руб. 80 коп.).

на 6 мес. — 24 руб. (с 1/1 1961 г. — 2 руб. 40 коп.).

Технический редактор **М. Соселия**

Подписано к печати 21 декабря 1960 г. 5 печ. листов.

Формат бумаги 10×108¹/₁₆.

Тираж 2.500

Заказ № 1080

УД 05491

Цена 4 руб.

С 1/1 1961 г. 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

Цена 4 р.
с 1 января 1961 г. 40 к.

ქართული
საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს